

МАРИЯ
БРИКЕР

reality detective

Изысканный
адреналин

Мария Брикер

Изысканный адреналин

«ЭКСМО»

2007

Брикер М.

Изысканный адреналин / М. Брикер — «Эксмо», 2007

ISBN 978-5-699-20900-2

Молоденькая журналистка с чудным именем Мэрилин Коновалова мечтала взять эксклюзивное интервью у известного на весь мир шахматиста, красавчика и интеллектуала Леонида Штерна, который неофициально прилетел в Москву из Лондона. Штерн категорически отказался разговаривать с девушкой, однако спустя пару дней вдруг сам позвонил и назначил ей встречу!.. Мэрилин еще не знала, что брат Леонида, известный банкир Демьян Бутырский, обвиняется в убийстве. Чтобы помочь ему, гроссмейстер хочет проникнуть в закрытый клуб «Флоризель», членом которого был Демьян. А для этого надо совершить какой-нибудь вызывающе неприличный проступок...

ISBN 978-5-699-20900-2

© Брикер М., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Пролог	5
ЧАСТЬ I	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3 ФАНАТКА	17
Глава 4	21
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Мария Брикер

Изысканный адреналин

*Настоящая история является вымыслом от начала до конца.
Сходство персонажей с реальными людьми случайно.
От автора*

*Лучшему советчику, понимающему, терпеливому и любимому
человеку – моему мужу*

Пролог

Депутат Мариновский стоял на крыше здания мэрии и смотрел вниз на поток машин, несущихся по Новому Арбату и Кутузовскому проспекту. Автомобили отсюда, с высоты птичьего полета, казались игрушечными, а людишки смахивали на разноцветных муравьев. Как жалок этот мир, пришел к выводу депутат и перевел взгляд на родное здание Белого дома и площадь Свободной России. Хорошо б прямо туда, подумал он мечтательно.

Мариновский закрыл глаза и подставил лицо солнцу. Вспомнился вдруг его последний юбилей, который он полгода назад отпраздновал с друзьями в самом модном и дорогом ресторане Москвы. Шикарный торт с пятьюдесятью свечами, засахаренными розами, фруктами, глазурью и взбитыми сливками. Правда, торт так и не удалось попробовать, нерадивый официант во время исполнения песни «Хеппи бёздей» уронил его на пол, забрызгав кремом половину гостей. Идиот! Но как он пел! Как он пел! Хуже только коты в марте орут. Исполнение песни произвело фурор, гости бурно аплодировали. Особенно «впечатлился» музыкальный продюсер Валерка Торчинский. В общем, славно посидели. Никогда еще у депутата Мариновского не было такого веселого дня рождения! Однако главным событием стало не застолье, а подарок, который депутат получил в тот день, особенный подарок, решительно изменивший его жизнь. Приглашение пройти тестирование для вступления в элитный закрытый клуб доставили Мариновскому с курьером сразу после окончания банкета. Оно было написано золотом, скручено, как пергамент, заклеено сургучной печатью и приятно пахло французскими духами. Да... это был настоящий подарок. Не все, далеко не все удостаивались чести его получить, а только избранные.

Собеседование с хозяйкой клуба, загадочной Марго, немолодой и совсем непривлекательной брюнеткой, длилось более двух часов. Потом хозяйка попросила его заполнить какие-то тесты, а на следующий день, с тем же самым курьером, депутату привезли черный конверт с поздравительным письмом о вступлении в клуб «Флоризель» и членской карточкой. Карточку и конверт он тут же положил в сейф, подальше от посторонних глаз, и тайно возгордился.

И сейчас, стоя на краю крыши мэрии под палящими лучами солнца, Мариновский по-прежнему испытывал благоговейный трепет и неопишуемый восторг оттого, что ему выпала честь стать членом клуба.

День 6 июня 2006 года выдался жарким. Мариновский открыл глаза и снова посмотрел вниз. Сверху было видно, как плавится асфальт и дрожащее марево поднимается над городом. Прохладной казалась лишь мутная Москва-река. Депутат шумно вдохнул, ему хотелось почувствовать влажный запах реки, но в легких осели лишь выхлопы мегаполиса и летний зной. А ведь действительно экология в Москве дерьмовая, пора с этим что-то делать, подумал Мариновский и решительно шагнул с крыши. Земля приближалась стремительно, деревья, люди, машины вдруг стали большими.

– Етить твою мать! – завопил Мариновский и отпустил «медузу»¹, над головой раскрылся купол, депутата тряхнуло, он ухватился за стропы и попытался направить парашют на набережную, но вдруг подул ветер, и Мариновского понесло на Белый дом. – Пристрелят, етить твою налево! При-стре-лют! – вопил депутат, уже ощущая на своей заднице прицелы снайперских винтовок. «Пронесло», – подумал он, чуть-чуть не долетев до забора Белого дома и приземлившись посередине Конюшковской улицы. Страшной боли в ногах депутат не почувствовал, эйфория от полета притупила болевые рецепторы. – Жив! Я жив!!! Я сделал это! – радостно прокричал Мариновский. Позади него раздался гудок, депутат с блаженной улыбкой обернулся – на него с огромной скоростью несясь автомобиль Toyota «Land Cruiser». Последнее, о чем Мариновский подумал, – что впервые в жизни он успел поймать «граунд раж» (адреналиновый кайф).

¹ *Медуза* – специальный парашют, открывающий основной купол – парашют-крыло.

ЧАСТЬ I

Глава 1 ХУЛИГАН

Антон Петрович Зыбин ехал в служебной «Волге» к месту происшествия, и с лица его не сходило озадаченное выражение. Когда Зыбина вызвал прокурор, следователь сначала подумал, что начальник его разыгрывает. Однако, взглянув в серьезное лицо прокурора, понял, что тому не до шуток. И следователю тоже стало не до шуток. Удружил его прокурор, ох как удружил, ну и дело подсунул! Мало того, что все смахивало на анекдот – депутат-парашютист, так еще и в голове не укладывалось, как такое возможно! Впрочем, супруга предупреждала Антона Петровича с утра, чтобы он был осторожен, потому что шестого числа шестого месяца шестого года могла произойти любая дьявольщина. Жена оказалась права. Как еще можно воспринимать поступок депутата Мариновского? Как? Мыслимое ли дело – залезть на крышу мэрии?! С парашютом! А если бы это был не депутат, а террорист? Там же Белый дом рядом! Сотрудников службы безопасности здания ФСБ будет трясти, это само собой, повывлетают все с работы с волчьим билетом за такие дела, но скандала в прессе в любом случае не избежать. И он, Антон Петрович Зыбин, будет мелькать во всех веселых статьях о депутате Мариновском. И скоро над ним будет ржать вся страна. Замечательно! И никак не замнешь ведь скандал. Спасибо прокурору, сколько вокруг тяжких преступлений, а он, следователь Генеральной прокуратуры Антон Петрович Зыбин, должен такой херней, прости господи, заниматься! А может быть, все же удастся дело замять, с надеждой думал Зыбин, глядя в окно служебной «Волги». Он ведь в отпуск на днях собирался, долгожданный отпуск, мечтал поехать на дачу в Астрахань, поудить рыбу на берегу Волги, попариться в баньке, покушать шашлычка из осетрины под холодную «беленькую». В Москве стояла такая жарница, что мозги кипели. Да и сердечко в последнее время все чаще давало о себе знать. Вот и сейчас – тянуло, тянуло, мешало в груди. Зыбин поморщился, залез в карман, достал валидол, положил таблетку под язык. По радио о больном сердце пел очередной новомодный исполнитель, вернее, не пел, а скрипел, как ржавая калитка: «Злобный коршун любви-и-и расклевал мое сердце до крови-и-и. Я в печа-а-али, я в печа-а-али, я в печали-и-и-и».

– Выключи ты, ради бога, эту дурь! – рявкнул Антон Петрович на своего водителя Андрея, молодого белобрысого и ушастого паренька. Андрей обиженно засопел.

– Это же Селиван! Вы, Антон Петрович, ничего в хорошей музыке не понимаете.

– Куда уж мне, – усмехнулся Зыбин. – «Злобный коршун любви». Это ж надо! Впрочем, все лучше, чем когда у кого-то там «мурашки от Наташки» или «поцелуй меня везде, восемнадцать мне уже». Ладно, слушай своего Селивана, только потише сделай.

Антон Петрович вздохнул: современные эстрадные исполнители раздражали его до зубовного скрежета. Может, он старый стал? Кобзон и Алла Пугачева – вот настоящая музыка. Ну и, конечно, Высоцкий. Когда-то, посмотрев фильм «Место встречи изменить нельзя», молодой Антон Зыбин мечтал стать похожим на Глеба Жеглова, но вышел из него не Жеглов, а Шарапов. Характера не хватило: полагаться во всем на закон, а не на совесть – куда как проще. Он и полагался, поэтому дослужился до полковника юстиции и занял должность следователя в Генпрокуратуре. Может, дело все-таки удастся замять?

По радио по-прежнему надрывался певец Селиван, которому все клевал и клевал сердце злобный коршун. Интересно, что за коршун выклевал все мозги депутату Мариновскому? Может, депутат на солнце перегрелся? Получил солнечный удар и с ума сошел. Или выпил?

А может быть, ширнулся? Час от часу не легче. Депутат Государственной думы – алкоголик и наркоман. На парашюте! С мэрии! Куда катится этот мир?

Движение по Конюшковской улице было перекрыто в обе стороны. Место происшествия оцепили и обнесли желтой лентой, образовалась пробка, машины гудели, зеваки галдели, журналисты норовили прорваться к месту происшествия, щелкали вспышки фотоаппаратов, выставленный для охраны объекта патруль с трудом справлялся с ситуацией. «Дурдом», – ворчал Зыбин, пролезая сквозь толпу и игнорируя вопросы любопытной прессы. Одна глазастая белобрысая девица особенно настойчиво лезла к нему с микрофоном.

– Товарищ Зыбин! Всего один вопрос! Можно ли расценить поступок депутата Мариновского как знак протеста против существующей власти?

Вот дура, подумал Антон Петрович и кивнул патрульному, чтобы корреспондентку убрали с дороги.

На месте работали эксперты, крутились оперативники, фээсбэшники и инспектора ГИБДД. Зыбина заметил следователь районной прокуратуры Ильин, прибывший с опергруппой на место первым по сигналу дежурного, и тут же заторопился к нему со счастливой улыбкой. Ясное дело, следователю не терпелось поскорее скинуть со своих плеч все проблемы разом.

Они пожали друг другу руки, отошли в тень.

– Свидетели говорят, что Мариновский сам с крыши прыгнул, никто ему не помогал. И все бы ничего, но сегодня воскресенье, пробок нет. Движение автотранспорта не слишком оживленное, но быстрое. Скорость у тачки была приличная, удар, соответственно, тоже. Смерть наступила мгновенно, ботиночки вон на дороге остались. От удара Мариновского подбросило в воздух, парашют снова раскрылся, и депутат приземлился на встречную полосу, под колеса «волжанки», водитель тормознуть не успел... В общем, от асфальта отскребли только депутатский значок, – хихикнул Ильин.

– М-да... долетался либерал-демократ, – вздохнул Зыбин. – Ладно, все ясно, можем считать, что это был несчастный случай. Прыгнул и прыгнул, сам прыгнул, никто не заставлял, значит, это его проблемы. Проверю, конечно, еще раз информацию, но на данный момент состава преступления в деле не усматриваю.

– Это как посмотреть, – задумчиво сказал Ильин.

– Что еще? – раздраженно уточнил Антон Петрович.

– А водитель, который первым депутата сшиб, скрылся с места происшествия.

– Начинается! Как – скрылся? Как он мог скрыться?! Тут же ментов как грязи вокруг! Номер машины хотя бы кто-нибудь зафиксировал?

– Зафиксировали, тачку нашли, ее бросили неподалеку отсюда.

– Бежал, значит. Возможно, пьяный был или в шоке. Не каждый день с неба под колеса парашютисты падают... с депутатскими значками на груди.

– Тут я с вами не согласен, Антон Петрович. Во-первых, тормозного следа вообще нет, водитель, который совершил наезд, даже не пытался затормозить. Во-вторых, тачанка эта стояла на набережной некоторое время с включенными аварийками. Ждали-с, значит, полета. А в-третьих, машинку пробили, и знаете, кто хозяин? Вы случайно не смотрели пару месяцев назад программу «Дуэль» с участием Мариновского?

Если Антон Петрович и надеялся на чудо и на то, что получится дело скоренько закрыть, то после заявления Ильина он понял, что чудес не бывает. Передачу «Дуэль» он смотрел, веселая была передача, отрывки из нее потом долго крутили по всем телеканалам страны, как рекламный ролик майонеза. Отличился в той программе Демьян Иванович Бутырский, учредитель банка «Русский резерв», который пришел на программу как гость, вышел к участникам и швырнул в депутата Мариновского открытую упаковку этого любимого в народе соуса.

– Ты хочешь сказать...

– Да, именно это я и хочу сказать. Владелец «Land Cruiser» – Бутырский! Полагаю, что учредитель банка «Русский резерв» знал, что Мариновский будет прыгать с крыши, и совершил акт возмездия. Бутырского ведь после той передачи отметили так, что он в Склиф загремел. Правда, Демьян Иванович никаких заяв о причинении вреда здоровью не писал. Что тоже наводит на мысль. Пожелал, видно, дело по-своему решить.

Настроение у Зыбина испортилось.

– Да что он, идиот – на своей тачке депутата давить? – удивился Антон Петрович.

– Я сам в замешательстве, – пожал плечами Ильин. – Как-то верится во все это с трудом. Но возможно, как раз на подобную реакцию следствия Бутырский и рассчитывал. Мне сейчас доложили, что полчаса назад он подал заявление об угоне своего «Land Cruiser» в районное отделение милиции. Однако свидетель имеется, который видел, как был совершен наезд, и запомнил водителя.

– Бутырского и свидетеля в прокуратуру, – отдал указание Антон Петрович и направился к своей машине.

* * *

В кабинете Зыбина стояла духота, нос его потел, и очки все время сползали с переносицы. Антон Петрович в очередной раз поправил очки и вздохнул, глядя на учредителя банка, симпатичного подтянутого брюнета с короткими вьющимися волосами, чуть тронутыми сединой на висках. А работенка-то, видать, у него нервная, пришел к выводу следователь, сороковник только стукнул, а уже седина наметилась.

– Чему обязан приглашением в вашу милую организацию? – елеинным голосом спросил учредитель банка. Держался он уверенно, не нервничал, смотрел следователю в глаза прямо и дерзко.

– Хочу порадовать вас, Демьян Иванович: нашлась ваша машина.

– Да? – изумленно приподнял брови Бутырский.

– Смотрю, вы что-то не рады совсем, – улыбнулся Антон Петрович.

– Почему же, очень рад. Только с каких это пор угоном личного автотранспорта у нас Генпрокуратура занимается? – иронично спросил Бутырский.

– Все зависит от обстоятельств, Демьян Иванович.

– И что же за обстоятельства, скажите на милость, подвигли вас заняться поисками моей машины?

– Может быть, вы, Демьян Иванович, лучше объясните, какие обстоятельства подвигли вас на передаче «Дуэль» бросить в политика Мариновского открытую упаковку майонеза? – задал вопрос, который волновал всю страну, Зыбин. – Вас что, не устраивала его политическая платформа?

– Вот для чего меня пригласили, сразу бы так и сказали. Да нормальная у него платформа. В принципе, я сам в душе либеральный демократ, – возразил Демьян Иванович и добавил: – Где-то в глубине души.

– В чем же была причина? Личная неприязнь?

– Никакой личной неприязни я к Мариновскому не испытываю. Все вышло случайно. Сам не знаю, как это получилось, – улыбнулся Демьян Иванович.

– Случайно взяли с собой на программу «Дуэль» упаковку майонеза? Случайно вышли к участникам и случайно швырнули ее в мор... э-э... в Мариновского.

– Ага, совершенно верно, случайно, – подтвердил Демьян Иванович. – Я ведь на все вопросы по этому поводу отвечал уже.

– Что же произошло потом? – не обратив внимания на замечание Бутырского, поинтересовался Зыбин.

– Не помню, – пожал плечами Демьян Иванович. – Кажется, я вышел из студии и упал с лестницы. Очнулся уже в Склифе.

– Лихо вы с лестницы упали. Перелом двух ребер, запястья правой руки, смещение шейных позвонков, сотрясение мозга, многочисленные гематомы лица, – вздохнул следователь.

– И не говорите, ужасно не повезло, – покачал головой Бутырский. – Если я ответил на все ваши вопросы...

– Послушайте, Демьян Иванович, может, хватит комедию ломать! – Зыбин потерял терпение. – Поверьте, в ваших интересах сейчас мне все честно рассказать. Вы попали в очень скверную историю.

– Неужели? – ехидно спросил Бутырский.

– Что вы делали сегодня в двенадцать часов пополудни? – спросил Антон Петрович.

– Спал дома.

– Кто может это подтвердить?

– Пожалуй, никто.

– Расскажите обо всем подробно.

– Спал я дома, в своей кровати, один-одинешенек. Проснулся в четверть первого примерно. Выпил кофейку, после выглянул в окно и понял, что у меня свистнули тачку. Я сразу же позвонил страховому агенту и пошел писать заявление в милицию об угоне.

– Машина стояла под окнами вашей московской квартиры, правильно я понимаю?

– Да.

– Почему вы не поставили машину на ночь в гараж? У вас же есть гараж, Демьян Иванович. А машина дорогая.

– Лень было, вчера очень поздно приехал с работы.

– Значит, вы отрицаете тот факт, что были в двенадцать часов дня на Конюшковской улице?

– Отрицаю, потому что я там не был! – Демьян Иванович впервые занервничал. – А что случилось, вы можете мне объяснить?

– Сегодня около двенадцати часов дня на вашей машине «Toyota Land Cruiser», государственный номер С 234 ХУ, был совершен наезд на пеше... – Зыбин замолчал на полуслове: пешеходом Мариновского никак назвать было нельзя. – На... депутата Государственной думы Мариновского, – нашелся следователь. – Мариновский скончался на месте, водитель с места происшествия скрылся. По факту смерти Мариновского возбуждено уголовное дело, ведется следствие. В ходе следственных мероприятий нами установлено, что наезд был совершен умышленно.

– Мариновского сшибли на моей машине?! – Демьян Иванович потрясенно посмотрел на Зыбина. – Епэрэсэтэ... Подождите, ничего не понимаю. Вы подозреваете, что я был за рулем? Но зачем мне давить Мариновского? Зачем?

– А зачем вы бросили в депутата майонез?

– Пиарил я его, – нехотя объяснил Бутырский.

– У вас что, была взаимная договоренность с Мариновским?! – уронил очки на стол следователь.

– А за что, вы думаете, меня отмутили товарищи из оппозиции?

– Оппозиции? За что?

– За то, что я Мариновскому рейтинг до небес поднял. Сам учредитель банка «Русский резерв» майонезом в него швыряется! А заодно и себе. Клиенты валом в банк поперли. Вы словно в первый день на свет родились. Никогда не слышали, что такое черный пиар? В России он лучше всего работает.

– Почему заявление не написали? – спросил Зыбин, пребывая под сильным впечатлением от услышанного. Совсем все обалдели, просят швырнуть в морду майонез, чтобы рейтинг себе поднять. Куда катится этот мир!

– Какое заявление? – удивился Бутырский.

– О причинении вреда здоровью.

– Нет.

– Почему?

– Как почему? – Демьян Иванович посмотрел на следователя так, словно он спросил абсолютную глупость. – Что же, я буду поклеп на своих потенциальных клиентов наводить? Ну, погорячились ребята, потом остыли и деньги свои ко мне в банк положили. О, стихами уже заговорил на нервной почве. А с Мариновским мы вообще в приятельских отношениях. Мне с ним делить нечего.

– В приятельских отношениях, так и запишем. Значит, вы знали, что Мариновский собирается прыгнуть с крыши мэрии? С парашютом, – уточнил Антон Петрович.

Учредитель банка «Русский резерв» долго молчал.

– Вы что, шутите? – спросил он шепотом после паузы. – Не может этого быть! Прыгать с парашютом с мэрии – это же форменное самоубийство. Ни один уважающий себя бейсер не станет делать подобной глупости.

– Кто?

– Никогда не слышали про бейс-джампинг?

– Что-то, кажется, слышал, – вздохнул следователь. – Насколько я знаю, это самый экстремальный вид прыжков с парашютом с небольших высот и с недвижимых объектов. Мариновский увлекался бейс-джампингом?

– Понятия не имею. Так он что, правда прыгнул? – Следователь кивнул, Бутырский охнул: – Невероятно!

– А вы, Демьян Иванович, увлекаетесь этим видом экстрима?

– Я? – Бутырский на секунду смешался. «Увлекается, – подумал следователь, – значит, в курсе был, голубчик». – Ах, вот к чему вы клоните! – сощурился учредитель банка. – Мало того, что хотите обвинить меня в том, что я задавил Мариновского, так еще намекаете на то, что именно я вынудил его совершить полет с крыши? Без адвоката я больше ни слова не скажу. Я требую адвоката! – рявкнул Бутырский и треснул кулаком по столу.

– Ваше право. Да вы не нервничайте, Демьян Иванович, не нервничайте. Раз не виноваты, так чего паниковать? Есть свидетель, который видел, как произошел наезд, и запомнил водителя. Опознание проведем. Согласны? – Бутырский хмуро кивнул. – Вот и славненько. Тогда протокольчик подпишите. И своему адвокату можете позвонить. Как только он приедет, будем начинать.

Глава 2

МЭРИЛИН МОНРО И ШАХМАТНЫЙ КОРОЛЬ

В зале прилета аэропорта Домодедово толпился народ, туда-сюда сновали люди – возбужденные, уставшие, радостные, грустные, смущенные, растерянные – столько разных эмоций на лицах можно увидеть только в аэропорту.

Откуда-то тянуло табаком и вкусно пахло кофе.

– Шас бы кофейку дерябнуть, с сигареткой, – мечтательно сказала худенькая невыразительная блондиночка в рваных джинсах и широкой растянутой черной футболке с надписью на груди.

– Сходи да купи, – посоветовал сопровождающий ее парень, стриженный под ноль здоровяк – на плече он держал профессиональную видеокамеру.

– Ты видел, сколько здесь кофе стоит? Это же грабеж средь бела дня!

– Сейчас вечер, Коновалова, половина восьмого, – хмыкнул парень.

– Не умничай, Чижигов! Лучше приготовься. Скоро он должен выйти, – напряженно сказала девушка, вытягивая шею и разглядывая появившихся из зоны таможенного контроля пассажиров. – Это будет наш триумф, Чижигов! Никто не знает, что он прилетит в Москву. Мы будем первыми, кто возьмет у него эксклюзивное интервью. – Девушка, не сдержав эмоций, взвизгнула и взбила рукой светлый ежик на голове. Оператор покосился на журналистку и вздохнул: почему-то он сильно сомневался, что знаменитый на весь мир шахматист, гроссмейстер Леонид Штерн, прибывший, по имеющимся у них данным, рейсом 874 авиакомпании British Airways Лондон – Москва, захочет давать интервью этой замухрышке. Какой только идиот дал ей прозвище Мэрилин Монро? За что ей такая честь? Ни кожи ни рожи – одни глазищи. Единственное украшение – крошечная родинка над губой. А амбиций больше, чем волос. Если это гнездо бешеной птицы у нее на голове вообще можно назвать волосами. В телекомпанию блондиночку взяли неделю назад, пока как стажера. Это был их второй совместный выезд на репортаж, первый закончился полным провалом.

– Ты хотя бы глаза покрасила, что ль, Коновалова, – посоветовал оператор, – или губы.

– Чего? – девушка посмотрела на оператора, как на полоумного.

– В кадре твое лицо нечетко будет видно, – буркнул Чижигов и отвернулся, он почему-то всегда смущался, когда Мэрилин смотрела на него в упор своими синими глазами.

– А... что ж ты раньше не сказал, – расстроилась девушка, сняла с плеча потасканный джинсовый рюкзачок, уселась на пол и стала ковыряться в поклаже. – Вот, нашла! – вытащив яркий тюбик, похожий на тушь, доложила девушка, на минуту низко склонила голову и вновь подняла лицо к оператору. – Так лучше?

– Лучше, – кивнул Чижигов, не заметив в лице Мэрилин почти никаких изменений, разве что губы у нее теперь немного блестели.

– Я рада, – улыбнулась журналистка, поднялась с пола и слизнула блеск языком.

Прошло довольно много времени с момента объявления прибытия рейса 874 авиакомпании British Airways Лондон – Москва, но Леонид Штерн так и не вышел из зоны таможенного контроля.

– Не прилетел, похоже, – расстроился оператор.

– Быть такого не может, у меня знакомая в этой авиакомпании работает.

– Значит, мы его пропустили, – переминаясь с ноги на ногу, сказал оператор. Плечо у него уже отваливалось, хотелось кофе и огромный гамбургер. А цены в Домодедове действительно кусались, и очень больно кусались.

– Чижигов! Разве такого можно пропустить! – достав толстый журнал и сунув его под нос оператору, возмутилась журналистка. С глянцевого обложки на него смотрел привлекательный голубоглазый блондин с вьющимися волосами средней длины.

– Мажор близорукий, – сообщил свое мнение оператор, склонившись над журналом, и вдруг почувствовал толчок в спину. Чижигов пробежал по инерции пару шагов, споткнулся о рюкзак Мэрилин, который она так и не подняла с пола, и, размахивая руками, плашмя рухнул на пол. Дорогая видеокамера отлетела в сторону. Чижигов, матюгаясь на весь зал, медленно поднялся, хмуро оценил обстановку и, схватив за грудки виновника своего падения, худосочного светловолосого типчика в льняном пиджаке, встряхнул его.

– Простите! Я не хотел причинить вам беспокойство. Понимаете, очки в самолете случайно разбил. А запасные были в чемодане, но он потерялся в дороге.

Сзади на операторе повисла Коновалова и зашептала ему в ухо:

– Чижигов, это он! Он! Он!

– Понял, – осторожно поправив пиджачок на всемирно известном шахматисте, вякнул оператор и криво улыбнулся.

– А вы нам камеру сломали на фиг, – радостно доложила Коновалова, ткнув пальцем в валяющуюся на полу аппаратуру, и добавила: – Профессиональную и очень дорогую.

Оператор поднял камеру, нажал на пару кнопок, кивнул и с трагическим лицом прижал ее, как младенца, к груди.

– Я все компенсирую. Сейчас выпишу вам чек. Сколько? – Гроссмейстер суетливо пошарил по карманам, достал чековую книжку и ручку и вопросительно посмотрел на оператора близорукими глазами. Чижигов умножил в уме стоимость своей камеры на два, потом на три и уже собирался открыть рот, чтобы скалькулировать убытки, но Мэрилин его опередила.

– Мы чеки не принимаем. Может, они у вас фальшивые? Только наличные! – сурово сказала она, ойкнула и подпрыгнула, потирая мягкое место. Сволочь-оператор ее ущипнул.

– У меня при себе почти нет наличных, – озадаченно сообщил Леонид Штерн. – Возможно, здесь поблизости есть банкомат?

– У нас банкоматы такие суммы не выдают, – вредным голосом сообщила Коновалова и снова ойкнула и подпрыгнула. Нет, ну Чижигов совсем обнаглел! Урод, сволочь, тупица! Неужели не понимает, что она затеяла, возмутилась Мэрилин и со всей силы наступила оператору на ногу. Чижигов покраснел и выкатил глаза.

– Пожалуйста, не нервничайте, – глядя в перекошенное лицо оператора, сказал Леонид Штерн. – Я дам вам свою визитку. А завтра с утра поедem в банк.

– Хм... – возмутился оператор.

– Хм... – вторила ему Коновалова.

– Хорошо, что вы предлагаете? – вздохнул шахматист.

– Я поеду с вами, – мило улыбнулась Мэрилин.

– Куда? – растерялся Штерн.

– А куда вы сейчас едете?

– В отель «Славянская».

– Вот я и поеду с вами в отель «Славянская», переночую у вас, а завтра с утра поедem в банк.

– Как? – ошарашенно спросил гроссмейстер, хлопая глазами. – Как это вы переночуете у меня в номере?!

– Обыкновенно, могу в кресле, я не гордая. Мы должны быть уверены, что вы не сбежите. Камера ведь очень дорогая. Или Чижигов переночует у вас в номере, – ехидно предложила журналистка.

– Да, очень дорогая, – подтвердил оператор и умножил в уме стоимость аппаратуры на четыре.

Леонид Штерн ехал на заднем сиденье в стареньком расхлябанном «Рено», хмуро поглядывая на взлохмаченную макушку противной блондинки и лысый затылок толстомясого мужика и уговаривал себя, что ничего особенного не произошло. Завтра с утра он отдаст деньги, и его оставят в покое. Леонид очень на это надеялся и радовался в душе, что эти двое журналистов не лезут к нему с вопросами. Во-первых, он приехал в Москву неофициально и очень не хотел, чтобы информация о его визите попала в газеты и на телевидение. Во-вторых, журналистов Леонид Штерн органически не переносил. Он их ненавидел с тех пор, как несколько лет назад прочитал о себе в журнале, что он не родной сын в семье успешного адвоката по экономическим вопросам Алекса Штерна и светской красавицы-аристократки Анны Горчаковой, а приемный. Тогда ему показалось, что мир перевернулся вверх тормашками. Нет, сначала он не поверил. Бросился к матери с журналом, возмущенно положил статью перед ней. Как он мог поверить в подобную ложь! Как он мог поверить в то, что обожаемые мать и отец на самом деле не имеют к его рождению ни малейшего отношения и что он всего лишь жалкий ублюдок без рода и племени, брошенный в приюте какой-то особой? Глаза матери Леонид Штерн помнил до сих пор: в них были испуг, чувство вины и боль. Он тоже почувствовал боль, ни с чем не соизмеримую боль, в сердце словно вонзились миллионы острых иголок, отравленных ядом. Яд побежал по венам, отравил кровь, одурманил мозг. Он почувствовал себя обманутым, схватил журнал и со всей силы хлестнул им мать по лицу. Мама не вскрикнула, не заплакала, просто сказала тихо, потирая нежную воспалившуюся от удара щеку рукой: «Ничего, сынок, все пройдет, заживет. Время лечит любые раны». Тогда он подумал, что мама говорила о себе, но со временем понял, что она его, дурака, успокаивала. Даже когда ей было больно, мама думала о нем. Господи, сколько лет прошло, а он так и не смог избавиться от чувства презрения к себе за тот омерзительный поступок.

– А вы с какой целью в Москву приехали? – обернулась блондинка и уставилась на него огромными глазами. Леонид молча отвернулся к окну; если он из чувства неловкости за причиненные неудобства согласился оставить у себя в номере эту наглую невоспитанную девицу, то это еще не значит, что должен поддерживать с ней светский разговор. Девица хмыкнула и отвернулась. Вот и славно, с облегчением вздохнул гроссмейстер.

За окном плыли ночные огни города, яркими пятнами скользили рекламные щиты, мелькали окутанные неоновым туманом серые здания. Жаль, что он разбил очки. В Москву он приезжал только один раз, но даже не успел как следует ее рассмотреть. Программа визита была очень плотной: гостиница, конференция, шахматный турнир, снова конференция, праздничный банкет, встреча в Кремле. Тогда он еще не знал, что родился в этом городе и жил здесь до двух лет. Тогда он еще не знал, что у него есть родной брат.

– Слушайте, как же вы теперь без чемодана? – снова обернулась блондинка. – Нет, ну надо же, какие сволочи! Взяли и чемодан сперли. А в чемодане много ценных вещей было?

– Нет, – сухо ответил Леонид.

– А что там было? – не отставала девушка.

– Послушайте, я очень устал и не склонен вести беседу. Не будете ли вы любезны оставить меня в покое?

– Меня Мэрилин зовут. Мэрилин Коновалова, корреспондент программы «Факт ТВ», – представилась блондинка, совершенно не обидевшись на его слова. – А что вы злитесь? Могли бы и повежливей себя вести. Вас, между прочим, никто не просил на нас наскакивать, как сайгак, и Чижикова вместе с камерой ронять. У нас, по вашей милости, между прочим, очень важное интервью сорвалось. И завтра мне по башке за это надают.

– Извините, Мэрилин, – смутился Штерн, – извините. Меня зовут Леонид, – сообщил он и подумал: «Господи, мало того, что эту девицу зовут так по-идиотски, она журналистка,

выглядит как пугало и говорит «с сорняками», так еще и работает в какой-то порнографической программе «Факт ТВ»!» И эта девица будет у него в номере ночевать!

– Приятно познакомиться, – сказала блондинка и почему-то глупо хихикнула. Оператор тоже гоготнул.

Что смешного в его имени? Какая странная парочка, разволновался Леонид. Чем ближе они подъезжали к отелю, тем больше Штерна охватывала паника.

«Рено» затормозил у гостиницы «Славянская».

– Прибыли, – радостно доложил оператор, подхватил камеру и вылез из машины. Мэрилин Коновалова тоже выпорхнула из автомобиля и, лучезарно улыбаясь, открыла заднюю дверь для Леонида.

– Курить хочу, – прочирикала Мэрилин, сняла со спины рюкзак, неловко открыла и уронила на асфальт – из рюкзака выскользнул глянцевого журнала, девушка торопливо сунула его обратно в сумку, но Леонид даже сослепу успел заметить, чье лицо красовалось на обложке.

Журналистка достала пачку сигарет и закурила, нервно покусывая нижнюю губу. Леонид усмехнулся. Все ясно, это парочка прекрасно знала, кто он, и именно его поджидала в аэропорту. И с камерой наверняка все в порядке. Отец предупреждал его перед отъездом, что в России полно мошенников. В чем он уже отчасти убедился, когда лишился чемодана. И мама всегда говорила, что он очень наивный и ничего не знает о жизни. Очевидно, это провокация. Подпоит его блондинка чем-нибудь в номере, ляжет с ним в постель, а после явится лысый оператор Чижиков, снимет все на камеру, и покажут его во всей красе в обнимку с этим чучелом в программе «Факт ТВ». Ну уж нет!

– Господин Чижиков, а позвольте, я взгляну на вашу камеру? – попросил Штерн, и журналистка с оператором переглянулись.

– Зачем? – осторожно спросил Чижиков.

– Хочу посмотреть модель.

– Что, жаба душиТЬ начала? – надулся оператор и спрятал камеру за спину.

– Простите? – Леонид с недоумением уставился на оператора и снова занервничал, не понимая смысла сказанной фразы. Жаба? Душить? Издевается или угрожает?

– Передумали возмещать убытки, да? – поняв замешательство гроссмейстера, уточнил оператор.

Штерн достал из кармана кошелек, вытащил двести евро и сунул купюры в нагрудный карман рубашки Чижикова.

– Думаю, этого будет достаточно, – улыбнулся он, развернулся и направился в гостиницу; его била дрожь. Господи, только бы до двери дойти, а там наверняка служба безопасности имеется. Только бы не ударили чем-нибудь по голове сзади.

– Леонид! – закричала ему вслед журналистка, Штерн вздрогнул и ускорил шаг. – Леонид, вы все неправильно поняли! Мы не хотели вас разводить на деньги! Мы хотели просто взять у вас интервью!

Гроссмейстер этого уже не слышал.

– Какая же ты дура, Коновалова, – буркнул оператор, когда высокая фигура шахматиста скрылась из вида. – Все у тебя через задницу.

– Пошел ты! – зло сказала девушка, влезла в машину и с силой хлопнула дверью. Чижиков сел за руль, завел мотор и удивленно покосился на свою напарницу. Мэрилин, закрыв лицо ладонями, горько рыдала. Чижиков растерялся.

– Да ладно тебе, Мэрилин, не реви. Со всеми бывает. – Он осторожно погладил девушку по голове.

– Камеру жалко, – всхлипнула журналистка, оттолкнув его руку.

– Камера в порядке, работает, я ее еще в аэропорту проверил.

– Он подумал, что мы мошенники, – еще раз всхлипнула девушка, вытерла ладонью слезы, достала журнал, положила себе на колени и уставилась на фотографию. – Ты видел, с какой брезгливостью он на нас смотрел? Видел? – ткнув пальцем в обложку, спросила Мэрилин.

– Не бери в голову, Коновалова, поехали лучше кофе пить. Они все так смотрят, буржуины. Большие деньги портят людей. А у этого Штерна состояние оценивается в несколько миллионов долларов. Курва он.

– Ничего он не курва, – возразила девушка. – Он ведь миллионы своей головой заработал.

– Да хоть жопой, какая разница, – хохотнул оператор. – Все одно – буржуй.

– Чижиков, блин, ты рассуждаешь, как люмпен! – Мэрилин закатила глаза к потолку. – Не деньги портят людей, а их отсутствие. Вот если бы Штерн тебе отвалил штук пять-десять евро, ты бы добрым стал и возлюбил все человечество.

– Насчет человечества не знаю, но Штерна я бы возлюбил вселенской любовью однозначно, потому что жена меня скоро уроет за то, что я никак ремонт в квартире не сделаю. Слышь, Коновалова, а тебя что, действительно Мэрилин зовут? Я думал, это прозвище.

– Правда. Отец у меня америкос, а мама русская. Я в Штатах до четырнадцати лет жила, а после маме надоело в Америке, и мы с ней вернулись в Россию. Так что я урожденная Мэрилин Хейч, но мама меня Маней зовет. И ты, Чижиков, можешь меня так звать, если хочешь.

– Мэрилин Хейч, – повторил оператор. – Суперски звучит. А еще лучше звучит Маня Хейч, – Чижиков развеселился. – И на фига ты, Маня, фамилию сменила?

Мэрилин коротко взглянула на оператора и опустила глаза.

– Ничего я не меняла, Коновалова – это мой псевдоним. Только не говори никому, ладно?

– Больно надо, – пожал плечами оператор, усиленно пытаясь вспомнить, откуда ему знакома фамилия Хейч.

– Твой папаша случайно не голливудский актер? – скосил он глаза на Мэрилин и в очередной раз гоготнул. Манера у него была такая – отрывисто гоготать по любому поводу.

– Нет, – без тени улыбки сообщила девушка, – моего отца зовут Роберт, а голливудского актера по-другому. Ты, кстати, о кофе что-то говорил. Поехали, Чижиков.

– Можешь меня Максом звать, если хочешь, – вырвав со стоянки, предложил оператор. Роберт Хейч... Роберт Хейч... Неужели?.. Оператор еще раз взглянул на свою напарницу. Да нет, не может быть. Если бы Мэрилин была дочерью того самого Роберта Хейча, то вряд ли сейчас сидела рядом с ним и работала в тухлой программе кабельного канала «Факт ТВ».

– Макс, музыку включи, плиз, а то тоскливо как-то, – попросила девушка. Чижиков послушно нажал кнопку магнитолы. «Злобный коршун любви расклевал мое сердце до крови. Я в печа-а-али, я в печа-а-али, я в печали-и-и...» – полилось из динамиков.

– Твою мать, опять этот педик воет. Откуда они только берутся? – скривился оператор и перестроил радио на другую волну.

– Спорим, что Селиван не голубой? – оживилась Мэрилин.

– Мне по барабану, какая у этого гоблина ориентация, но поет он, как педик, – вынес свой суровый вердикт Чижиков и притормозил у кафе.

Глава 3 ФАНАТКА

Селиван Артамонов отодвинул плотную штору и выглянул в окно.

– Опять эта дура стоит с плакатом, – задумчиво сказал он своему другу Редникову и жеманно заправил длинные каштановые пряди за ухо.

– Селиванушка, это же слава! Слава, которая подкралась незаметно, – заржал друг. – Гордись! У тебя появилась первая фанатка.

– Ну, во-первых, не первая... – промурлыкал Селиван. – А во-вторых, что ж она такая страшная-то!

– Поклонников не выбирают, Селиванушка, – философски изрек Редников. – Пиво будешь?

– Что я, с дуба рухнул, пиво с утра пить. Налей мне шампанского.

– Аристократ, блин, – усмехнулся Редников и направился к холодильнику.

– Ничего я не аристократ, – обиделся Артамонов. – Ладно, давай пиво. Только не холодное, мне еще сегодня в клубе выступать.

Редников, который уже достал из холодильника две бутылки, чуть не уронил их на пол.

– Ты меня пугаешь, Артамонов! Ты же под фанеру поешь.

– Ну и что! – Селиван капризно прикусил губу, тряхнул волосами и уселся на диван.

В просторной двухкомнатной квартире на Смоленке, куда модный певец перебрался совсем недавно, только что закончился ремонт. Огромная гостиная, совмещенная с кухней, стены, отделанные природным камнем, стильная ярко-красная мягкая мебель, камин, барная стойка с неоновой подсветкой, домашний кинотеатр. Разглядывая интерьер новой квартиры, Селиван все еще не верил своему счастью: слишком свежи были воспоминания о нищей жизни в задрипанном провинциальном городишке, в убогой комнате, которую приходилось делить с двумя братьями-алкашами. А после были комнатухи в хрущевках на окраинах города и даже койка в завод-ской общаге. Но теперь все изменилось! Фортуна вдруг повернулась к Селивану правильным местом: всюю шла запись сольного альбома, его приглашали в модные клубы, плакаты с изображением певца были развешаны по всей Москве, два его хита – «Не спи, приду к тебе я ночью» и «Злобный коршун любви» – крутились по всем радиостанциям, скоро должны состояться первые гастрольные туры. Правда, квартира принадлежала продюсеру, но это все были мелочи жизни. Процесс взлета, как говорится, пошел. Вон, даже поклонница появилась. Скоро он станет самой настоящей звездой, глядишь, не ровен час, на Евровидение поедет. А пока что, пока можно и в квартире продюсера пожить.

Музыкальная карьера Артамонова началась внезапно. К слову, если бы не случайность, то Селиван (по секрету, в миру – Сеня) так бы никогда и не узнал, что он умеет петь. Москву Селиван приехал покорять совсем в другом амплуа – в качестве актера. С детства все знакомые в один голос твердили, что он похож на Алена Делона, только красивее, и прочили ему великое будущее, и Селиван так в это поверил, что на экзамене в Щуку даже не нервничал. Но завалялся на первом же туре. Потрясение было таким сильным, что Артамонов с горя пошел пропивать деньги, выделенные матерью на поездку в Москву, в ближайший бар. Спустив сумму на обратный билет, Селиван совсем опечалился, разрыдался за барной стойкой и тут же получил утешение от бармена, к которому и отправился ночевать. Не спать же на вокзале, в конце концов! О той ночи Артамонов предпочел забыть раз и навсегда. Но бармен оказался мировым мужиком, разрешил некоторое время пожить у себя и помог устроиться на работу официантом в один из модных дорогих ресторанов Москвы. На банкете в честь юбилея политика Мариновского Селивану выпала честь вынести праздничный торт и исполнить лирическую песню «Хеппи бёздей». Гости так громко аплодировали Артамонову, что он не удержался и поклонился. Торт соскользнул с подставки и рухнул на пол свечками вниз, заляпав половину гостей,

включая и депутата Мариновского, взбитыми сливками и кремом. В тот же вечер Артамонова уволили, но спустя несколько дней его разыскал известный музыкальный продюсер Валерий Торчинский. Он тоже был на банкете и слышал, как Селиван поет песню «Хеппи бёздей». В общем, с этого все и началось.

Редников передал ему бутылку пива и подошел к окну.

– Стоит, красавица, – хмынул он и обернулся. – Селиванушка, я тебя хочу, – ласково проворковал друг. Артамонов подавился пивом и закашлялся.

– На плакате у нее написано, – буркнул друг и посмотрел на Селивана странным взглядом. Артамонов опустил глаза в пол и вздохнул.

Егор Редников был мальчиком из хорошей семьи, учился в МГИМО, собирался стать юристом-международником, имел крутую тачку и отдельную от родителей жилплощадь. Судьба их свела, когда Селиван, тогда еще Сеня, работал официантом. Редников отмечал удачную сдачу сессии в кругу своих однокашников и так упился, что не мог ходить. Остальные участники застолья тоже были в состоянии нестояния, но все-таки сумели самостоятельно разъехаться по домам, забыв пьяного в хлам Редникова в ресторане. Смена Артамонова как раз подходила к концу, он вызвался сопроводить товарища до выхода и посадить в такси. В итоге оказался в гостях у Редникова, в элитной, шикарно обставленной квартирке на Кутузовском проспекте, и остался там ночевать. Ту ночь Артамонов тоже предпочел забыть раз и навсегда. Егор также с утра усиленно делал вид, что ничего особенного не произошло, но они остались просто друзьями. Редников даже разрешил какое-то время у себя пожить и познакомил Сеню с московской мажорной тусовкой. Вот только Селиван не любил, когда друг начинал смотреть на него как-то так, совсем не по-дружески, долгим взглядом. Селиван строго запретил ему это делать, поэтому, когда Егор так на него смотрел, чувствовал себя не в своей тарелке. В принципе, отличным был парнем его друг Редников. И очень симпатичным. Вдвоем они неплохо смотрелись. Стройный широкоплечий брюнет Егор, смуглый, темноглазый, стильный, и он, Селиван, хрупкий длинноволосый шатен с синими глазами и ярким ртом. Где бы они ни появлялись, девчонки глаз с них не сводили. Если бы еще Селивану можно было развлекаться со слабым полом на полную катушку, но имидж есть имидж, приходилось терпеть. А терпеть с каждым днем становилось все сложнее.

Звонок в дверь отвлек Селивана от философских размышлений. Редников вышел в прихожую и вскоре вернулся с ехидной улыбкой на лице.

– К тебе гости, Селиванушка, – сладко пропел он. – Точнее, гостья. Автограф просит дать.

Артамонов округлил глаза и замахал руками, но было поздно. В комнату вплыла девушка с плакатом на груди и уставилась на него влюбленными глазами сквозь толстые линзы безобразных очков.

«Да ты вблизи еще краше», – покачал головой Селиван, разглядывая свою фанатку. На ум почему-то пришел анекдот про девочку-дебилку, которая поймала Золотую рыбку и загадала в качестве трех желаний иметь хобот, уши и хвост, как у слоника. А на вопрос рыбки: «Что же ты, девочка, не попросила побольше мозгов и красоту?» – дебилка, покачивая ушами и хоботом, застенчиво спросила: «А фто, можно было?»

– Мне бы автограф, – шепеляво попросила фанатка.

– Куда ставить будем? – вздохнул Селиван.

Поклонница скинула с шеи плакат на пол, и через секунду там же очутилась ее кофточка.

– Сюда, – решительно сказала девица и ткнула себя пальцем в обнаженную грудь, очень красивую грудь, необыкновенно красивую грудь. Да и фигурка у фанатки оказалась на редкость соблазнительной.

Редников изменился в лице, подлетел к девице и стал выпихивать ее из гостиной.

– А ну, пошла отсюда! Пошла, кому говорю!

– Кофту, кофту отдай, придурок! – завизжала девушка и попыталась вырваться. Но Редников словно озверел, схватил девушку за шею и выволок ее в прихожую. Хлопнула входная дверь. Егор вернулся в гостиную, подобрал кофту и плакат и выкинул их в окно.

– Зачем ты с ней так грубо? – лениво спросил Артамонов.

– Бабы – суки, неужели ты этого не понимаешь? Она же клеила тебя! – возмутился Редников, уселся на барный стул и отвернулся. Селиван долго смотрел на напряженную спину друга.

– Ну и что, – пожал он плечами.

– Как – ну и что? Тебе продюсер что сказал – никаких баб! Никаких! Тебя же раскручивают как мальчика для мальчиков, мля! Хочешь попасть на бабки, мля?

– Ладно, ладно, не ругайся, – примирительно сказал Селиван и спросил: – Слушай, а тебе эта дура никого не напомнила?

– Девочку-дебилочку из анекдота про Золотую рыбку, – буркнул Редников.

– И мне, – расхохотался Артамонов и попросил у друга еще бутылку пива, чтобы хоть как-то расслабиться и снять напряжение в штанах.

* * *

Вот сволочи! Мэрилин выглянула из подъезда: ее кофточка висела на дереве, в паре метров от земли. И что ей теперь делать? Как без кофточки выйти на улицу? Теперь ясно – никакой Селиван не голубой, все это миф, придуманный продюсером. Когда она стянула кофточку, певец так вытаращился на ее грудь, что забыл подобрать слюни. А друг у него голубой – это очевидно. И не просто голубой, а педик гадкий. Скотина! Урод! Нет, ну что ей теперь делать? Голой лезть на дерево или звонить Чижикову? Ой, как не хочется звонить Чижикову! Опять скажет, что все у нее через задницу. И будет прав. Не лезть же голой на дерево, расстроилась Мэрилин и набрала номер оператора.

Спустя полчаса Чижиков вошел в подъезд.

– Коновалова! – позвал он. – Я тебе футболку привез.

– Повесь на перила и жди меня в машине, – крикнула Маша.

Через пару минут Мэрилин вышла из подъезда и села в «Рено».

– Твою мать! – закричал оператор, глядя на нее с ужасом.

Коновалова выплюнула фальшивую челюсть на ладонь, сняла парик и очки с толстыми линзами.

– Так лучше? – улыбнулась девушка.

– Что это было? – ошарашенно спросил Чижиков.

– Пришлось замаскироваться, иначе Селиван бы меня узнал. Мы несколько раз на тусовках пересекались.

– Ой, ну какая же ты дура, Коновалова. Ты что, не могла в красавицу замаскироваться? – вздохнул Чижиков и нажал на газ.

– Сам дурак! У него приятель, как цербер, – красивых девок к Селиванушке близко не подпускает. Если бы я под красавицу замаскировалась, то в квартиру вообще не попала бы.

– Резонно, – впервые оператор посмотрел на коллегу с уважением. – Ну а дальше что?

– Дальше... – Мэрилин на секунду задумалась. – Дальше я с ним пересплю, а ты все на камеру снимешь. Да не пугайся ты, Чижиков, – глядя в одуревшие глаза оператора, успокоила его девушка. – Спать с этим уродом я не собираюсь. Просто парочку поцелуйчиков и обжималочек нужно заснять. Думаю, этого будет достаточно, чтобы разрушить миф, созданный продюсером Торчинским. Это будет наш триумф, Чижиков! Мы с тобой такой сюжет отснимем! Все от зависти усохнут.

– Селиван на тебя не польстится, – заявил оператор, скептически глядя на девушку.

– Не хами, Чижиков. Еще как польстится! Уже польстился, он голодный до этого дела, я чувствую, а в темноте, как известно, все кошки серы, – возразила Мэрилин. – Мне бы только поймать певца, когда он будет без своего голубого друга. Только как это сделать, он же от своего Селиванушки ни на шаг не отходит. Слушай, Чижиков, а что, если нам этого Редникова как-нибудь нейтрализовать? Хотя бы на пару часов?

– Коновалова, у тебя с головой все в порядке? Нет, ну ты точно дура! Каким образом мы его нейтрализуем? – заинтересованно спросил Чижиков.

– Ага, – стрельнула в него взглядом журналистка, закуривая сигарету.

– Что ага? Что ага? Дура ты, Маня, ничего у нас не выйдет.

– Еще как выйдет, Чижиков! Завтра начинаем следить за этими гоблинами, а там, глядишь, и план какой-нибудь в голову придет, – воодушевленно заявила Мэрилин и выкинула сигаретку в окно. Чижиков обреченно вздохнул, он уже понял: спорить с Коноваловой бесполезно. Да и сама идея журналистского расследования ему понравилась, потому что, если все получится, материал однозначно будет иметь широкий общественный резонанс.

Глава 4

БРАТ

Лежа в темноте номера люкс гостиницы «Славянская», Леонид смотрел подслеповатыми глазами в потолок, прислушивался к незнакомым шорохам и звукам, привыкал к новым запахам, думал о происшествии, которое с ним приключилось, и гордился собой. Сегодня он поставил мат прохиндеям, пытавшимся сыграть с ним в нечестную игру. Он выиграл. У него все получилось! Мама зря волновалась, он вполне может обходиться без помощи секретарей и прочих нянек. В конце концов, он не мальчик, а взрослый мужчина – тридцать лет скоро стукнет. А брату – сорок. Завтра он увидит его, своего родного брата, уже завтра. Леонид перевернулся на живот и зарылся лицом в мягкую подушку. Воспоминания нахлынули потоком, снова ярко всплыл тот день, когда он узнал о себе правду, покрасневшая щека матери, ее глаза. Он долго, очень долго жил как в кошмаре, невыносимое чувство вины перед мамой, страх, бессонница, поиски ответов на вопросы. Его терзали смертельная обида на ту, которая его родила и выкинула из жизни, и в то же время – мучительное желание найти ее. Глядя в зеркало и рассматривая свое отражение, Леонид пытался представить, какая она, какие у нее глаза, волосы, улыбка, и сгорал от ненависти и презрения к себе, потому что иначе как предательством по отношению к маме его мечты назвать было нельзя.

Спустя месяц после событий, превративших жизнь Леонида Штерна в ад, отец позвал его в свой кабинет. Выглядел он очень серьезным. Мама тоже была там, стояла у окна, взволнованная, смущенная. Отец попросил его сесть, положил перед ним папку. Леонид заглянул внутрь: несколько печатных листов, фотография. На фотографии молодая светловолосая женщина, немного наивная и очень знакомая: руки почему-то затряслись, он спрятал их под стол и зажал между коленями.

– Это твоя родная мать, вот ее досье, – объяснил отец. – Мы долго думали с Анной и решили. Возьми.

– Нет, – пролепетал Леонид, захлопнул папку, бросился вон из кабинета в свою комнату, упал лицом на кровать. Мама поднялась к нему, присела рядом, нежно потрепала по волосам.

– Ленечка, ты зря так болезненно реагируешь. Понимаю, ты решил, что твоя мама тебя бросила, но это не так. Она умерла при родах. А твой родной отец не смог принять ее смерть, не смог тебя забрать. Так бывает, Ленечка, не вини его. Я уверена, после он раскаялся.

– Кто она была? – глухо спросил Леонид.

– Она работала учителем математики в школе и была чудесным, умным, образованным и интеллигентным человеком. Подающим надежды ученым. Но науку оставила ради семьи. Ты можешь ею гордиться. Думаю, от нее ты унаследовал аналитический склад ума. А твой отец... Он был доктором наук, уважаемым человеком, профессором психологии. Преподавал в университете. К сожалению, его тоже уже нет в живых. Кажется, его убили.

– Почему ты сразу не сказала мне об этом? – перебил ее Штерн. – Тогда, месяц назад. Почему ты так долго ждала?

– Прости, я... – Мама прятала глаза, пытаясь подобрать подходящее объяснение, но Леонид вдруг и без объяснения все понял.

– Мама, ты у меня одна! Единственная, родная, самая любимая, – тихо сказал он и нежно погладил ее руку.

– Спасибо, – улыбнулась она и выскользнула из комнаты, но Леонид успел заметить слезы на ее красивом лице. Впервые в жизни его утонченная аристократическая мать не сдержала эмоций.

На тумбочке рядом с кроватью осталась папка с досье той, которая его родила. Леонид еще раз взглянул на фотографию, словно в зеркало посмотрел – те же глаза, те же светлые

кудри. Звали ту, которая его родила, Анастасия, когда она умерла, ей исполнилось двадцать девять лет. Леонид пробежал глазами печатные странички и потрясенно замер – оказывается, у него есть старший брат! С детства Леонид мечтал иметь брата, и вот он появился. Появился... Это было так странно и волнующе, так непостижимо и радостно...

Однако разыскать брата Леонид решился лишь спустя несколько лет. Нанял детектива, выяснил адреса и телефоны, но позвонить так и не собрался с духом. Брал трубку, и вдруг такой страх накатывал, так сердце начинало стучать, подпрыгивая к горлу и парализуя связки, что Леонид клал трубку обратно на рычаг. Да и как все объяснишь по телефону? Немного подумав, Леонид Штерн принял решение поехать в Москву и встретиться с братом лично. Мама переживала страшно, но благословила его. И отец одобрил поездку, долго поучал, просто измучил наставлениями, но одобрил. Потому что – родная кровь, родной брат. Завтра он увидит его. Завтра он все ему скажет, если доживет и не умрет от нервного перенапряжения сегодня. Возможно, брат, так же как и родной отец, винит его в смерти матери. Возможно, не примет его. Возможно, выгонит взащей. Возможно, брат вообще о нем ничего не знает... Возможно... Возможно... Этих «возможно» было так много, что Леонид прокручивал в голове варианты встречи, эмоции, диалоги, впечатления всю ночь и уснул лишь под утро, когда в комнату вползли ленивые лучи раннего солнца и город за окном сменил свой ритм и наполнился суетой.

Выспаться не получилось. Около полудня его разбудил телефон, звонили из авиакомпании и сообщили, что нашелся чемодан. Невероятно! К четырем вещи обещали привезти в гостиницу. Леонид принял душ, заказал завтрак, перекусил и решил прогуляться по городу, чтобы было чем себя занять до вечера. Однако, пройдя несколько метров от отеля до Киевского вокзала, Штерн понял, что погорячился. Без очков он чувствовал себя неуютно, Москва расплывалась перед глазами, раздражали шумы незнакомых улиц, резкие непривычные запахи и смутные силуэты людей. Он уже повернул обратно, когда его кто-то потянул за рукав. Леонид обернулся. Перед ним стояла темноволосая женщина в яркой одежде.

– Касатик, позолоти ручку, всю правду расскажу, – сказала она. Леонид достал кошелек, положил на ладонь женщины купюру в десять евро и собирался уже сказать, что правду ему рассказывать не нужно и в предсказания он не верит, но почему-то не сказал...

Очнулся он в своем номере, сидя в кресле. Как он здесь оказался, Леонид Штерн не помнил, голова была пустой, словно мысли из нее ластиком стерли. Господи, а ведь отец перед отъездом предупреждал, чтобы ни при каких обстоятельствах он не заговаривал с цыганками! А эта женщина явно принадлежала к племени кочевого народа. Так ведь он и не заговаривал... кажется. Леонид пошарил по карманам. Кошелек, слава богу, лежал в кармане, целый и невредимый. Правда, денег в нем не оказалось. Чудесно, его обокрали среди белого дня, а он этого даже не заметил. К счастью, кредитки остались, а денег было немного, всего двести евро. Леонид нервно хихикнул и потряс головой. В ушах, как назойливая муха, звучали странные фразы: «Черные тучи над тобой нависли. Не верь женщине с улыбкой Джоконды. Пушкин тебе поможет. Черчилль даст совет». Похоже, цыганка все ж таки отработала свои деньги. Что-то напропорочила ему. Черчилль, Пушкин – чушь какая-то! Не верь женщине с улыбкой Джоконды... Гроссмейстер пожал плечами. Женщины Леонида Штерна мало волновали. Недавно журнал «Форбс» назвал его имя в числе самых завидных женихов планеты. Какие глупости, жениться он не собирался никогда и ни за что. Мама, правда, неоднократно намекала, что пора бы ему обзавестись семьей. Невест ему тактично подбирала, знакомила. Ради мамы он даже пару месяцев встречался с дочкой банкира, холодной и надменной брюнеткой Самантой, любительницей оперы и вонючих сигар, но отношения их носили платонический характер. Потом – два месяца с дочкой известного промышленника рыжей дылдой Жаклин, с лошадиной физиономией и страстью к конным прогулкам: заниматься любовью на конюшне было очень неудобно. После – три месяца с курносой хохотушкой Софи, дочерью партнера отца. Софи, пожалуй, нравилась

ему больше всех: белокурая, голубоглазая, с симпатичной ямочкой на щеке. Если бы она еще не хохотала по любому поводу, было бы просто чудесно. Но она хохотала! Она даже в постели хохотала. Он тоже повеселился некоторое время, но его хватило ненадолго.

До «невест» были у Леонида Штерна и другие девушки, сокурсницы по колледжу и университету, но отношения были такими мимолетными и невыразительными, что стерлись из памяти. Шахматы – вот единственная страсть, которой он болел с детства. Остальное его мало возбуждало, потому что не давало того драйва, который он получал от игры. Возможно, где-то на свете жила его королева, но пока на пути попадались лишь пешки и ладьи.

Чемодан доставили в номер не в четыре, а в шесть вечера, но он почему-то даже не удивился. И когда запасные очки оказались разбитыми, тоже не удивился. Он решил больше ничему не удивляться. Позвонил на рецепцию, выяснил, где ближайший магазин оптики и банкомат. Мама зря волновалась, зря.

К девяти вечера Леонид Штерн подъехал к дому на Фрунзенской набережной. Долго разглядывал сначала окна, потом кнопки домофона в подъезде, не решаясь набрать номер квартиры. Дверь парадного открылась, из подъезда вышла женщина с собакой, и Леонид скользнул внутрь кирпичной девятиэтажки. Нельзя было исключать, что брата не окажется дома или он в данный момент живет по другому адресу, но как ни старался Штерн заставить себя позвонить по телефону, так и не смог. Поднявшись по лестнице на четвертый этаж, Леонид потоптался у нужной квартиры и нажал на звонок.

– Что вам нужно? – послышался из-за двери напряженный женский голос.

– Здравствуйте. Скажите, пожалуйста, Демьян Иванович Бутырский здесь проживает?

– Убирайтесь вон! – рявкнул голос. – Я никаких комментариев не даю. Достали уже. Целый день ходите!

– Простите, – растерялся Леонид. – Вы, вероятно, меня приняли за кого-то другого. Меня зовут Леонид Штерн, и я пришел сюда впервые.

За дверью некоторое время стояла тишина, но Леонид чувствовал, что его пристально разглядывают в глазок. Наконец щелкнули замки, и на пороге квартиры появилась высокая стройная женщина с заплаканным лицом. Очень красивым лицом, даже недавние слезы не портили эту красоту. Зеленые глаза, длинные каштановые волосы, ровный контур губ. Она была одета в застиранные голубые джинсы и обыкновенную белую футболку, но и в этом простеньком наряде выглядела как королева.

– Вы что, тот самый Штерн? Гроссмейстер? – удивленно спросила она. Леонид кивнул. – Господи, проходите, пожалуйста. – Она отстранилась, приглашая его войти. Леонид прошел в прихожую. – Я видела вас в журнале, и вот вы здесь. Невероятно! Извините, что нахамила. Я думала, что вы очередной журналист. Даже не знаю... Может быть, чаю или кофе? Только мужа нет дома.

– Если вы позволите, я подожду Демьяна Ивановича, – попросил Штерн.

– Боюсь, что ждать вам придется долго, – вздохнула женщина, по-детски сунув большие пальцы в передние кармашки джинсов.

– Демьян Иванович в отъезде?

– А вы по какому делу? – неуверенно спросила она. – Впрочем, какая разница, в любом случае, об этом уже всю трубят газеты. Моего мужа арестовали по подозрению в убийстве. Так что прошу меня извинить, – женщина кивнула на дверь, с трудом сдерживая слезы.

– Я хочу помочь, – вдруг сказал Леонид.

– Помочь? – Женщина на минуту смешалась. – Вы? Почему?

– Потому что я его родной брат.

Квартира Бутырских была оформлена в традиционном японском стиле. Черное, белое, красное, постеры с иероглифами на стенах, веера с драконами, раздвижные матовые двери,

ширмы из папируса, низкие черные столики, коврики на полу – стильно, но как-то все слишком стандартно, бездушно и неуютно. Совсем не таким Леонид представлял себе жилище Демьяна. И Ольга – так звали жену брата – смотрелась в интерьере этого помещения как чуждый элемент. Ей больше подошла бы элегантная английская классика или стиль модерн.

– Ненавижу эту квартиру, – словно прочитав его мысли, сказала Ольга. – Это случайность, что вы меня застали. Я здесь редко бываю, предпочитаю жить в загородном доме. И Демя тоже эту квартиру не любит, хотя сам принес ее в жертву моде.

– Как это? – улыбнулся Леонид. Они сидели на полу в гостиной и пили восхитительный кофе. Ольга, внимательно выслушав рассказ Леонида об истории его жизни, поглядывала на него по-прежнему с недоумением, но старалась поддерживать светскую беседу, оттягивая разговор неприятный, касающийся проблем мужа. Штерн тактично не спрашивал ни о чем.

– Деме порекомендовали одного модного дизайнера, муж загорелся, решил сделать мне сюрприз на день рождения. А так как он человек безумно занятой, в процессе переоборудования квартиры почти не участвовал, полностью положившись на специалиста и свою помощницу. А она страстно увлекается Востоком, и в итоге... – В зеленых глазах Ольги мелькнуло раздражение, изящная фарфоровая чашечка в руке затанцевала. – В итоге наша квартира превратилась в приемную гейши.

Звонок в дверь отвлек их от разговора. Ольга извинилась и вышла.

– Я не даю никаких комментариев, – послышалось из прихожей. Но звонок не умолкал, трезвонил и трезвонил. Дверь открылась.

– Ольга Андреевна, скажите, это правда, что ваш муж и Мариновский состоят в тайном обществе? – послышался вопрос. Леонид прислушался, голос показался ему знакомым.

– Девушка, ни в каком тайном обществе мой муж не состоит! Что за глупости вы говорите?

– Ваш муж увлекается бейс-джампингом? – не отставала непрошенная гостья. Леонид наконец понял, кто заявился к Ольге Бутырской, и напрягся. Да это же та журналистка из программы «Факт ТВ»!

– Бейс-джампинг – это официально разрешенный вид спорта. При чем здесь тайное общество? – отбивалась Бутырская.

– А как вы думаете, Ольга Андреевна, почему Мариновский спрыгнул с крыши мэрии? Он тоже увлекался бейс-джампингом?

– Понятия не имею.

– Ваш муж знал, что депутат Мариновский собирается совершить прыжок с мэрии?

– Я не даю никаких комментариев, уходите, – резко сказала Ольга. Хлопнула входная дверь. Жена брата вернулась в гостиную, руки у нее тряслись от злости.

– Вы слышали? И так целый день! – хмуро сообщила Ольга, села на коврик и бросила на стол маленькую мятую картонку. Вероятно, визитку, которую всучила ей журналистка. В дверь снова позвонили. – Сейчас я ей голову откручу! – вспыхнула Бутырская и решительно направилась в прихожую. Скрипнула дверь. – Здравствуйте, Светлана, – сухо поздоровалась Оля. Незвестная Светлана что-то тихо заговорила ей в ответ. – Документы? Ах да! Я и забыла совсем. Ну, проходите. Проходите в комнату, я сейчас посмотрю в кабинете мужа.

– Здравствуйте, – в гостиную вошла невысокая худая женщина, неловко замерла посреди комнаты, смущенно глядя на Леонида. Вероятно, застать в квартире Ольги мужчину она никак не ожидала.

– Добрый вечер, – поздоровался Штерн, встав с пола и разглядывая гостью Ольги.

Лет ей было около тридцати. Светло-пепельные волосы собраны в хвостик, немного оттопыренные ушки с дешевыми сережками-висюльками, курносый нос, усталые серые глаза, бескровные губы. Одета Светлана была в добротный, но безликий темно-синий деловой костюм: строгую юбку, жакет и голубую блузу, застегнутую на все пуговицы. В руке она держала дело-

вой портфель. В целом милая и приятная, но закрытая, оттого и взгляд сухой, направлен внутрь, полное отсутствие эмоций на лице и небольшая сутулость. Такую женщину в толпе не разглядишь. Типичный мелкий клерк, подумал Леонид.

– Лень, познакомьтесь! Это секретарша Демьяна – Светлана Цветаева! – крикнула Бутырская из другой комнаты. Света вздрогнула, что-то возразила тихо и принялась сосредоточенно рассматривать мыски своих туфель.

– Очень приятно, меня зовут Леонид. Я брат Демьяна, – сказал Штерн, чтобы снять с девушки напряжение, но Светлана от этой новости, кажется, впала в еще большее оцепенение, побледнела и остекленевшими глазами уставилась на гроссмейстера. У Леонида от ее словно неживого взгляда засосало под ложечкой. – Присаживайтесь, – предложил он. – Простите, я не расслышал, что вы сказали?

– Я сказала, что я не секретарша, а референт, – уточнила Света, не двигаясь с места. – Странно, Демьян Иванович никогда не рассказывал, что у него есть брат. Вы, вероятно, двоюродный брат?

– Нет, родной. То есть... Собственно... Я вырос в другой стране, – объяснил Леонид, сожалея, что сказал этой странной девушке о родстве с Демьяном. – Какая поэтичная у вас фамилия, – решил он перевести тему. – Вы случайно не родственница знаменитой поэтессы? Знаете, а я родился восьмого октября, в день рождения Цветаевой.

– Сколько же вам лет? – не обратив внимания на вопрос Штерна, спросила Светлана.

– Тридцать скоро будет, – смутился Леонид.

– Ясно, мне тоже скоро будет тридцать, – вздохнула Светлана, расстегнула верхнюю пуговку на воротничке блузки, подошла к окну и распахнула створки.

– С вами все в порядке? – испугался Леонид. Она пожала плечами, сказала чуть слышно, не оборачиваясь:

– Мне нравится вид из этого окна. Река нравится. Нет, я не родственница знаменитой поэтессы, но стихи ее тоже люблю...

Рас-стояние: версты, мили...
Нас рас-ставили, рас-садили,
Чтобы тихо себя вели
По двум разным концам земли.

Рас-стояние: версты, дали...
Нас расклеили, распаяли,
В две руки развели, распяв,
И не знали, что это – сплав...

Это строки Марины Цветаевой, посвященные Пастернаку, – объяснила Светлана. – Почему-то пришли на ум.

Штерн вновь ощутил холодок между лопатками: эти строки вскрыли нарывы его души, в этих строках была вся его боль по поводу брата. Как она догадалась, как? «Чтобы тихо себя вели по двум разным концам земли»...

В гостиную вернулась Ольга, Света тут же закрыла окно и обернулась. Штерн вздохнул с облегчением.

– Кажется, нашла. Проверьте, – Ольга протянула Светлане пластиковый скоросшиватель с документами. Света пролистала несколько страничек, кивнула, сунула папку в портфель. – Кофе будете? – спросила Бутырская без особого энтузиазма.

– Спасибо, мне пора, – отказалась Светлана. – Вы... передайте от меня Демьяну Ивановичу... Скажите ему, что я... Что мне очень жаль, что он попал в такие неприятности. – Света

нервно заправила за ухо прядку волос, постояла немного, опустив голову. – Я пойду, Ольга Андреевна. Всего доброго, Леонид, – коротко бросила она и вымученно улыбнулась.

Бутырская проводила Светлану и вернулась в дурном расположении духа.

– Я ее боюсь, – сказала Ольга.

– Почему? – удивился Леонид.

– Потому что не понимаю. Иногда мне кажется, что она меня ненавидит. Простите, – смутилась Бутырская, присела, некоторое время молчала. Встала, прошлась по комнате, обернулась к Штерну: – Леонид, простите меня, я понимаю, что вы хотите помочь Демьяну, но вряд ли это возможно. На опознании свидетель уверенно указал на мужа и сообщил, что именно он был за рулем. Алиби у Демьяна нет, замки и сигнализация в машине в порядке. Значит, «Land Cruiser» открыли ключом, а не вскрыли. Адвокат говорит, что дело плохо. Все уверены, что Демьян убийца.

– А вы, Оля? – тихо спросил Штерн и заглянул ей в глаза.

– Я? – Бутырская посмотрела на Леонида с нескрываемым раздражением, но тут же смягчилась. – Ленья, вы не возражаете, если я закурю? – спросила она и вышла из гостиной, не дожидаясь ответа Леонида. Через пару минут Ольга вернулась с прикуренной сигареткой в длинном изящном мундштуке, подошла к окну, обернулась, облокотилась о подоконник. – Мне было шестнадцать, когда я с ним познакомилась. Ему – двадцать пять. Он меня буквально со школьной скамьи замуж взял. Пятнадцать лет, как мы муж и жена, – сказала она, сделав глубокую затяжку. Ольге шло курить, тонкий мундштук в ее красивых ухоженных пальчиках смотрелся эффектно. Ей шло курить, как никакой другой женщине. Леонид на мгновение залюбовался ею. Ольга поймала его восхищенный взгляд и чуть заметно улыбнулась, немного снисходительно, так улыбаются только королевы. Жаль, что у королевы имелся в наличии свой король, с легкой завистью думал Штерн, не в силах отвести глаз от совершенного лица жены брата. – Я знаю Демьяна, как себя, и уверена, что муж невиновен. Мужа подставили, кому-то он перешел дорогу.

– Ольга, пожалуйста, не отвергайте мою помощь, у меня отец – известный адвокат.

– Я знаю, – улыбнулась Бутырская, – но, кажется, ваш отец адвокат по экономическим вопросам. Зачем вам это нужно, Ленья? Вы же даже незнакомы с Демьяном...

– Понимаете, я должен помочь. Это сложно объяснить, но я должен, – настаивал Штерн.

Если бы гроссмейстер только знал, во что ввязывается, то подумал бы двести пятьдесят раз, прежде чем предлагать свою помощь. Но Леонид не знал, в данную минуту сердце его билось учащенно и душа рвалась в бой. Однако Штерн лукавил перед Ольгой, сообщив ей, что не может обосновать свое желание. Мотивы, толкающие его на подвиги, Леонид Штерн прекрасно осознавал. Их было два. Первый – корыстный: вытащив брата из тюрьмы, Леонид Штерн рассчитывал оплатить прошлые долги и загладить перед Демьяном свою вину за смерть матери, пусть мифическую вину, но подсознательно мешающую шахматисту жить. Со вторым мотивом дела обстояли сложнее, знакомство с Ольгой Бутырской пробудило в душе гроссмейстера странные чувства: он точно очнулся от дремы, почувствовал себя наконец мужчиной, настоящим рыцарем, донкихотом. Да, Ольга была королевой, ей хотелось поклоняться и служить, ради нее хотелось совершать подвиги, ее хотелось завоевать. Это было ужасно. Штерна влекло к Ольге, и он ничего не мог с собой поделать.

– Не так давно Демьяну прислали приглашение вступить в закрытый элитный клуб, – после некоторых размышлений сказала Ольга.

– В клуб любителей бейс-джампинга? – уточнил Штерн, вспомнив вопрос журналистки.

– Нет, – покачала головой Бутырская. – Вернее, в клубе бейсеров он тоже состоит, а также увлекается другими видами экстрима. Прыжки с парашютом, сумасшедшие гонки на мотоциклах, горные лыжи, скалолазание – всего понемножку. Я ненавижу его увлечения, ненавижу! Но не в силах им противостоять. По-другому Демя не может жить. Адреналин нужен ему, как

воздух. Характер у него такой. Он и меня пытался приобщить, но я жуткая трусиха, у меня своего адреналина полно.

Длинный столбик пепла с ее сигареты упал на пол, Бутырская спохватилась, вернулась за стол, затушила сигарету и положила мундштук с окурком в пепельницу.

– Клуб, в который пригласили вступить Демьяна, называется «Флоризель», – коротко взглянув на Штерна, сообщила Ольга. – Еще кофе, Леня?

– Демьян принял приглашение? – осторожно уточнил Леонид, чувствуя легкий озноб в теле. Название гроссмейстеру категорически не понравилось, наводило на нехорошие ассоциации, потому что с произведением Роберта Луиса Стивенсона о принце Флоризеле и Клубе самоубийц Штерн был знаком.

– Да, вступил. Так как насчет кофе?

– Благодарю, не нужно. Почему вы рассказали мне об этом, Ольга? Вы считаете, что членство Демьяна в этом закрытом клубе и последние неприятные события как-то связаны между собой?

– Я не могу утверждать наверняка, но чувствую, что это так. Только я не обладаю полной информацией. Вернее, я вообще ничего об этом не знаю, могу только предполагать. На приглашение я наткнулась совершенно случайно, вернее... – Ольга поморщилась, отвела взгляд. – Леня, простите, возможно, потом вам станет неприятно со мной общаться, но раз уж у нас такой разговор, то буду с вами предельно откровенна. Месяца полтора назад я стала замечать у Демьяна некоторые странности. Он вдруг отдалился от меня и в то же время словно светился изнутри от счастья. В глазах шальной огонек появился. Я решила, что он завел себе любовницу, проверила его счета и обнаружила, что со счетов ушло несколько крупных отчислений в один благотворительный фонд. С одной стороны, вроде бы ничего необычного, Демьян и раньше активно занимался меценатством, но далеко не бескорыстно, а чтобы снизить налоги, поэтому все отчисления он делал с корпоративных счетов банка. А тут личный счет... В общем... Я решила, что любовница существует и... потом нашла это приглашение и членскую карточку.

Ольга тактично умолчала о том, что немного покопалась в «личных вещах» супруга, но, выслушав ее, Штерн вдруг отметил, что больше не воспринимает Бутырскую как королеву, хрустальная корона с ее прелестной головы упала на землю и разлетелась вдребезги. Ольга Бутырская в одно мгновение стала обычной женщиной, и Леонид испытал необыкновенное облегчение. Не хватало ему еще влюбиться по уши в жену брата, худшую перспективу представить себе было сложно. Он больше не ощущал по отношению к ней плотоядных желаний и был счастлив, искушение исчезло, что, впрочем, нисколько не мешало Леониду Штерну по-прежнему получать эстетическое наслаждение от созерцания и от общения с этой необыкновенно красивой женщиной. Да и желание помочь Ольге Бутырской никуда не испарилось, разве что мотив поменялся, теперь он хотел помочь ей бескорыстно, просто по-дружески, а если говорить точнее, по-родственному. Ведь, если рассудить, Ольга была его золовкой, а он приходился ей деверем.

– Выходит, журналистка была отчасти права, когда пыталась вас насчет тайного общества? – заключил Штерн.

– Вряд ли эта девочка в курсе тайных увлечений сильных мира сего, этот круг очень узок, и посторонних в него не допускают. О чем вообще можно говорить, если даже я не в курсе, чем там занимаются, в этом поганом клубе! Господи, во что он влез? Во что? Почему именно ему пришло приглашение? Клуб «Флоризель» – жуткое, отвратительное название, – Ольга резко поднялась, прошлась по комнате. – Мне плохо, Леня. Мне очень плохо... Я не представляю, как быть! Выпить хотите? Вино, виски, коньяк?

Выпить Леонид Штерн не хотел, алкоголь он употреблял редко, тем более на голодный желудок, да и время уже перевалило за полночь, но согласился составить Ольге компанию. Армянский коньяк, который предложила ему Бутырская, ранее Леонид никогда не пил, лишь

слышал от ценителей, что вкус его неподражаем. Пригубив из бокала и посмаковав напиток, Штерн остался доволен: ничем не хуже коллекционных коньяков «Ремми Мартин». Ольга пила коньяк странно, не смакуя, а торопливыми жадными глотками, словно воду, и, что самое удивительное, закусывала его ломтиками лимона. Мама учила его, что если попадаешь в незнакомую обстановку и общаешься с людьми других культурных традиций, то, чтобы не упасть в грязь лицом, следует дублировать их действия. И Леонид Штерн, недолго думая, сделал внушительный глоток и сунул в рот кусочек лимона.

– Оля, скажите, пожалуйста, у вас есть какие-нибудь предположения, как попасть в тот клуб? – чувствуя разливающееся по телу тепло, спросил Штерн.

– Зачем? Вы хотите... Господи, Леня, это может быть очень опасно!

– Ерунда, – отмахнулся Леонид, сделал еще один большой глоток и снова сунул в рот ломтик лимона. – Я так понимаю: раз не всем приходит приглашение, значит, должна быть отлаженная система членского отбора, и нужно просто понять ее принципы.

– Но как?

– Судя по вашим словам, взносы в клуб очень высокие, так? – Ольга кивнула. – Значит, первый принцип: высокое материальное положение будущих кандидатов. Под первый принцип я попадаю. Второе... – Штерн глубоко задумался, более в голову ничего не приходило, посему он налил себе еще коньку, выпил и закусил его лимоном.

– Деме пришло приглашение сразу после того, как он прогремел на всю страну. Его показали по телевизору. Возможно, в клуб принимают не просто богатых, а к тому же чем-то знаменитых людей.

– Под второй признак я тоже попадаю. Правда, никто не знает, что я в Москве. Но это легко исправить. Ольга, я попаду в этот клуб, чего бы мне это ни стоило. Попаду и постараюсь выяснить все изнутри, – решительно заявил Штерн, поднялся и снова сел, чтобы взять со стола смятую бумажку. Сунув визитку в карман, Леонид Штерн попытался встать, но это оказалось довольно сложно сделать, ноги почему-то не слушались и подгибались в коленях. – Только, Ольга, прошу вас, о том, что я брат Демьяна, никому ни слова, – справившись наконец с ногами и приложив палец к губам, сказал Штерн и глупо улыбнулся.

– Леонид... – Ольга тоже поднялась, стоять и ей было сложно, поэтому она, покачиваясь, подошла к Штерну и облокотилась о его плечо. – Леонид, – заглянув в глаза гроссмейстеру, таинственно прошептала Ольга, – кажется, я поняла еще один принцип отбора, только... Только я сморю на вас... Смотрю, и знаете, вы такой... такой аристократичный, такой... А Демя... совершенно другой. Он получил приглашение в клуб после того, как совершил выпадающий из рамок морали публичный поступок.

– Что он сделал? – шепотом уточнил Штерн, с трудом удерживая равновесие и пытаясь удержать Ольгу, которая тоже равновесие держала с трудом. Главное было – не попасть с женой брата в резонанс, иначе падение неизбежно.

– Кинул в депутата Мариновского упаковку майонеза в эфире популярной программы.

– Как интересно, – хихикнул Штерн. – Я тоже всенепременно совершу аморальный поступок, и тогда меня всенепременно тоже примут в клуб «Флоризель».

Ольга тоже хихикнула, отлепилась от гроссмейстера, схватила со стола бутылку и сделала из горлышка пару глотков. Леонид забрал у жены брата бутылку и со словами: «Маму нужно слушаться» – тоже хлебнул из горлышка.

– Согласна, маму нужно слушаться, – икнула Ольга. – Какой вы славный, Ленечка! Вы позволите, я буду так вас называть?

– Да пожалуйста! Называйте. А я буду называть вас Олечкой, вы позволите?

– Позволяю. Называйте.

– Олечка, – пропел Леонид.

– Ленечка, – мурлыкнула Ольга.

– Олечка...

Наутро Ленечка понял, что совершил-таки выпадающий из рамок морали публичный поступок.

– Как ваша фамилия? Место жительства? Род занятий? – спросил расплывающийся перед глазами субъект с усами.

– Леонид Штерн, место проживания Лондон, международный мастер спорта по шахматам, – вяло сообщил гроссмейстер, чувствуя тупую боль в затылке и нестерпимую жажду.

– Неужто тот самый шахматист? – усатый подался грудью вперед и присвистнул.

– Тот самый, воды дайте, пожалуйста, – попросил Штерн.

– А что, когда вы ночью в фонтане в Александровском саду голышом с девицей фривольного поведения купались, воды вам недостаточно было? – усмехнулся усатый. В ответ Леонид Штерн промычал что-то нечленораздельное и обхватил голову руками.

– Ладно, из любви к шахматам прощаю. Сознаюсь, узнал я вас сразу, все матчи и турниры с вашим участием смотрю, – поставив перед Штерном стакан, сказал усатый. – К счастью, информация о вас не попала в прессу. Езжайте в отель, отсыпайтесь и больше так не делайте. Вот ваши часы, деньги, мобильный телефон, очки и документы. Все в целости и сохранности. Проверьте.

– Я вам верю. А где девица? – жадно хлебнув водички, с ужасом спросил Леонид, надел очки и с радостью отметил, что предметы интерьера и человек, сидящий напротив, приобрели четкие контуры.

– Девица смоталась, – усмехнулся человек в форме, лицо у него было простоватое и несимпатичное, но добродушное. – Надеюсь, она деньги свои хоть отработала?

– Отработала, – вздохнул Штерн. – Большое вам спасибо. А вы уверены, что информация о моем поступке не попадет в прессу?

– Уверен, я вам обещаю.

– А может быть, все-таки попадет? – с надеждой спросил гроссмейстер.

– Ни при каких обстоятельствах, – заверил его страж порядка. – Автограф на протоколе поставьте. Вот здесь, – попросил он и придвинул к Леониду какую-то бумагу. Штерн пробежал глазами текст, где в подробностях было описано его ночное приключение, и вздохнул еще раз. – Лейтенант Пушкин я, так и напишите, пожалуйста: лейтенанту Пушкину. Не волнуйтесь, бумагу я никуда подшивать не буду. Для себя оставляю, как память.

Штерн подписал на память Пушкину протокол и подумал, что пора заняться памятью собственной, потому что последнее, о чем он смутно помнил, – это как он чмокнул жену брата по-братски в лоб. Удивительно, что сделал с его феноменальной памятью, о которой ходили легенды, армянский коньяк!

Не успел он выйти из дверей гостеприимного отделения милиции, как телефон в его кармане завибрировал.

– Леонид, здравствуйте! – прочирикал кто-то в трубке. – Это Мэрилин Коновалова вас беспокоит.

– Что вам нужно? – рявкнул он. Некоторое время в трубке стояла тишина.

– Как что? Интервью, – растерянно объяснила журналистка. – Вы же ночью мне звонили, просили немедленно приехать в Александровский сад. Но я не смогла дозвониться до оператора, он телефон на ночь отключил. Поэтому решила позвонить вам с утра. Или это были не вы? – Леонид молчал, усиленно напрягая мозг. Его феноменальная память медленно восстанавливалась. – Простите, вероятно, кто-то меня разыграл, – расстроилась журналистка, не выдержав его молчания. – Ну, Чижиков – урод! Сволочь! Тупица! Убью его!

– Не нужно никого убивать, Мэрилин. Это я вам звонил. Простите, что побеспокоил в столь позднее время. Если вы не передумали со мной побеседовать, жду вас у себя в номере... –

Леонид взглянул на часы, прикидывая в уме, сколько времени ему потребуется, чтобы прийти в себя и подготовиться – на часах было только восемь утра. – Ближе к вечеру подъезжайте, часам к семи, – сказал он и отсоединился.

Телефон снова ожил. Леонид раздраженно поднес трубку к уху.

– Ленечка, с вами все в порядке?

– Да, Олечка, со мной все хорошо, – улыбнулся гроссмейстер.

– Я так волновалась! Собиралась сейчас ехать вытаскивать вас из обезьянника.

– Из обезьянника?! Я что, прошлой ночью еще и в зоопарке что-то натворил?! – потрясенно спросил Штерн.

– Это камера предварительного заключения так называется, – Ольга расхохоталась, но тут же в трубке послышались ее стоны. Похоже, голова у нее болела так же сильно.

– Вы, Оля, пожалуйста, больше не пугайте меня так, – усмехнулся Леонид. – Одно дело – купаться голым в фонтане с девицей фривольного поведения, другое – провести ночь в обществе обезьян.

– С какой еще девицей фривольного поведения? – насторожилась Бутырская.

– Так охарактеризовал мою спутницу сотрудник правопорядка. Правда, она смоталась, так и не отработав деньги. Опять же, об этой трагической новости сообщили мне в милиции.

– Ужасно неблагодарная особа, – хихикнула Ольга. – Как она могла так подло поступить с выдающимся гроссмейстером! Но она раскаялась и готова искупить свою вину, накормив Леонида Штерна завтраком.

– Боюсь, Леонид Штерн завтракать захочет еще не скоро. Одна мысль о еде приводит его в ужас. Спасибо, Оля. К сожалению, первая часть нашего плана провалилась, я нарвался на почитателя моего таланта, и он меня отпустил с миром. Информация о моих подвигах, по словам доброго лейтенанта, в прессу не просочится, а вездесущая журналистка из программы «Факт ТВ» не успела к моему триумфу. Но сегодня она приедет ко мне в отель к семи часам. Я договорился с ней об интервью. Подумайте пока, что можно еще совершить аморального? Признаться, ни одной мысли на этот счет у меня нет, а времени мало. Да, а где можно запастись армянским коньяком? Без армянского коньяка совершать аморальные поступки я категорически отказываюсь!

Глава 5

МЕЧТЫ ГРОССМЕЙСТЕРА

Мэрилин бросила телефонную трубку и с визгом подпрыгнула на кровати. В стенку тут же застучали, послышалась недовольная брань. Перегородки в хрущевке, где она с недавнего времени снимала крошечную однокомнатную квартиру, были картонными, слышимость феноменальная. Да и соседка попалась вредным, чуть что, сразу в стену кулаками долбил. Девушка показала невидимому соседу язык, спрыгнула с постели и метнулась принимать душ. Настроение у нее было превосходным. Сам Леонид Штерн согласился дать ей интервью! Ей, Мэрилин Коноваловой! Предстоящее интервью заняло все ее мысли, по сравнению с этим меркли все прочие проекты. Даже идея развеять миф о голубизне Селивана казалась Мэрилин уже не такой выдающейся. Хотя и она была довольно перспективной. Туповатого Чижикова Мэрилин посвятила только в часть своего плана. Афера с Селиваном была лишь первой ступенькой в ее журналистском расследовании, никакого репортажа о мифе продюсера Торчинского Мэрилин делать не собиралась. Ей нужен был компромат, чтобы прижать продюсера к стенке и выведать у него информацию, приближающую ее к разгадке других тайн. Закрытый клуб «Флоризель», слухи о котором ползли по всей Москве, не давал Коноваловой спать спокойно. Молва о загадочном элитном клубе ходила самая разная, кто-то поговаривал, что клуб – это тайное общество самоубийц, кто-то уверял, что там собираются масоны, другие вещали, что клуб основали сатанисты, которые совершают ритуальные убийства младенцев, и предполагали еще много всяческих ужасов. У Мэрилин же на этот счет было свое мнение: она считала, что в клубе «Флоризель» устраивают оригинальные забавы для сильных мира сего. Возможно, столь популярные в последнее время ролевые игры или же другие нестандартные развлечения, придуманные для зажавшихся и скучающих богатеньких Буратино. Что это за развлечения, и собиралась выяснить Мэрилин, но Чижикову об этом знать пока было необязательно. Слишком недолго Коновалова была знакома с оператором, чтобы делиться с ним бесценной информацией, которую она буквально по крупичкам собирала. Удалось выяснить имена некоторых членов клуба. Одной из фамилий, обозначенных в ее списке, был музыкальный продюсер Валерий Торчинский. С него-то Мэрилин и решила начать, а Чижиков (включив магнитоу и назвав Селивана голубым), сам того не ведая, подбросил ей гениальную идею, как подобраться к продюсеру.

Растерев полотенцем тело докрасна, Мэрилин просушила феном голову, набросила халатик и услышала звонок в дверь. На пороге нарисовался Чижиков.

– Ты чего, не готова еще? – оглядев ее с ног до головы, недовольно спросил Макс.

– Чижиков, ты не представляешь, что случилось! – втащив оператора в прихожую, заорала Мэрилин.

– Вот чума! Чего ты так орешь? – буркнул оператор, оглядывая скучный интерьер ее квартиры. Обозрев пространство, выцветшие обои и мебель семидесятих годов прошлого века, Макс пришел к однозначному выводу, что Мэрилин совершенно точно не дочь того самого Роберта Хейча, о котором он сначала подумал. Собственно, он ничуть не удивился: куриный мозг его напарницы, пусть и с небольшими проблесковыми маячками, никак не мог принадлежать дочери его кумира.

– Кофе будешь? – спросила Мэрилин.

– Буду.

– Я тебе вчера звонила. Блин, Чижиков, зачем ты телефон отрубил? Мне ночью в Александровском саду свиданку сам Леонид Штерн назначил!

– Свиданку?! – вытаращил глаза оператор и плюхнулся на табуретку в кухне.

– Ага, прикинь? Хотел, чтобы я у него интервью взяла, – Мэрилин засыпала в турку кофе, налила воды из чайника и грохнула турку на конфорку.

– Интервью, значит. Ночью. В Александровском саду. Какая же ты дура, Коновалова.

– Вот и я тоже малость напряглась, – Мэрилин обернулась и озадаченно уставилась на оператора. – Макс, чего это он, а?

– Похоже, Маня, гроссмейстер на тебя запал. Другого объяснения я не нахожу, – гоготнул оператор. – Ночь, Александровский сад, романтика, блин!

– Да иди ты, Чижикив! Скажешь тоже – запал, – смутилась журналистка, покосилась на свое отражение в стекле шкафчика для посуды и вздохнула. – Я видела фотки в журналах, он с такими девицами встречается – дочки банкиров, адвокатов, промышленников. По-моему, Штерн был просто пьян вдрызг. Голос по телефону у него звучал как-то странно. Я даже решила, что меня кто-то разыгрывает.

Мэрилин налила кофе в чашку, поставила ее перед Максом, придвинула к нему сахарницу и уселась напротив на табуретку.

– Однозначно, тебя кто-то развел, а ты, Маня, губу раскатала, – радостно сообщил Макс.

– Да нет, Макс, совершенно точно, сам Штерн мне ночью звонил. Я ему с утра перезвонила на мобилу, он все подтвердил и сегодня ждет меня в своем номере к семи часам.

– Тебя? В номере? Дела... – Чижикив от неожиданности отхлебнул горячего кофе и обжег язык.

– Нас, Чижикив! Гроссмейстер хочет дать интервью нашей программе.

– Обалдеть! Он что, идиот? – потрясенно выдохнул оператор и снова обжег себе язык.

– Вот и я о том же. Странно все это, Макс. Чует мое сердце, что неспроста это все. Так что временно откладываем операцию по обольщению Селивана...

– И приступаем к операции по обольщению Леонида Штерна, – гоготнул в очередной раз Чижикив и отодвинул от себя пустую чашку.

– Эх, Чижикив, какой же ты одбокий, – печально вздохнула Мэрилин и вытолкала Макса за дверь, попросив его заехать к ней ближе к вечеру. Ей необходимо было остаться одной и подготовиться к разговору с гроссмейстером. Вытащив блокнот из сумки и вооружившись ручкой, спецкор программы «Факт ТВ» уселась по-турецки на диван и набросала примерный план вопросов. Осталось дожидаться вечера.

* * *

Мэрилин в третий раз постучала в дверь номера гроссмейстера и растерянно посмотрела на оператора. Тот пожал плечами и окинул Коновалову сочувственным взглядом. Они уже собирались уходить, как дверь распахнулась.

– Я заказал столик в ресторане, идемте, – заявил Штерн и повел журналистов за собой.

В дорогом светлом костюме в тонкую полоску шахматист выглядел умопомрачительно красиво и элегантно, отметила Мэрилин, жалея, что не надела что-то более солидное, а напялила молодежные черные брюки с бесчисленными карманами и белую рубашку мужского покроя. За гроссмейстером тянулся шлейф изысканного парфюма, и этот волнующий запах Мэрилин просто с ног сбивал и пьянил. Когда они вошли в ресторан, приблизились к столику и Штерн с улыбкой галантно отодвинул для нее стул, Мэрилин была окончательно деморализована обаянием этого вкусного мужчины, и все мысли и заготовленные вопросы вылетели у нее из головы. Подошедшая к их столику официантка вывела Мэрилин из ступора.

– Кофе, пожалуйста, – сделала заказ журналистка, покосилась на Чижикива, который, как солдат, замер у стола, фиксируя все на камеру, и попросила еще минералки.

– Кофе и бутылку армянского коньяка, – лучезарно улыбнулся Штерн официантке.

– Вы любите армянский коньяк? – тут же задала свой первый вопрос Коновалова.

– Со вчерашнего дня, – загадочно доложил Леонид, озираясь по сторонам.

На одном из столиков внимание Штерна задержалось надолго. Мэрилин проследила за направлением взгляда гроссмейстера и округлила глаза. Недалеко от них сидела жена учредителя банка «Русский резерв», читала журнал и неторопливо потягивала красное вино. В пепельнице лежал мундштук с прикуренной сигаретой и два окурка. К столику подошел официант с чистой пепельницей и замер, ожидая, когда Ольга возьмет мундштук, чтобы сменить клиентке пепельницу. Бутырская брала мундштук не торопясь, сигарета тлела, а официант потревожить Ольгу не решался, поэтому стоял рядом с ее столиком с совершенно идиотским лицом. Мэрилин эта сценка показалась смешной, но в то же время она расстроилась, что теряет прекрасную возможность побеседовать с женой Бутырского в общественном месте. Потому что в общественном месте Ольга Андреевна наверняка не стала бы вести себя так по-хамски, как вчера. Бутырская мельком взглянула на них, сделала вид, что не узнала Мэрилин, и вновь погрузилась в чтение. Какая стерва, хотя бы кивнула в знак приветствия, разозлилась девушка.

– А что вы еще любите? – сухо спросила Мэрилин, пытаясь вернуть Штерна к беседе. Гроссмейстер все еще тараторжил на жену банкира, и делал это с нескрываемым восхищением. Вот гад! Пригласил ее в ресторан, а сам на других баб пялится, возмутилась Мэрилин, словно гроссмейстер пригласил ее не на деловое, а на романтическое свидание.

– Я люблю игру, – сообщил Штерн, коротко взглянул на журналистку и вновь обратил свой взор на соседний столик.

– Игру в шахматы?

– Да, это моя жизнь.

– Что вы получаете от игры? Какие ощущения?

– Ни с чем не сравнимое ощущение адреналинового кайфа, – сказал Леонид, наконец оторвал взгляд от соседнего столика и посмотрел на Мэрилин в упор.

– А в какие еще игры любит играть гроссмейстер Леонид Штерн?

– Нет больше такой игры, кроме шахмат, которая могла бы меня увлечь.

– Расскажите о себе.

– Спрашивайте, я отвечу на все ваши вопросы.

– С какой целью вы прилетели в Москву?

– У меня была мечта попробовать армянский коньяк и голым искупаться в фонтане в Александровском саду.

– Икупались?

– Да.

– Как ощущения?

– Не помню: до того, как искупаться, я попробовал армянский коньяк.

– Значит, ваша мечта осуществилась и теперь можно смело возвращаться в Лондон?

Официантка принесла заказ и прервала их беседу. Пока она расставляла на столе напитки, Мэрилин пыталась понять, что происходит и как ей вести дальнейшую беседу. Красавчик-интеллектуал Леонид Штерн в данную минуту либо издевался над ней, либо был по жизни клиническим психом. Совершенно не таким она представляла себе гроссмейстера. Судя по перекошенному лицу Чижикова, оператора тоже волновали эти вопросы.

– Коньяк будете? – спросил Штерн, когда официантка удалилась.

– Нет, спасибо. Вдруг мне тоже захочется искупаться голым в фонтане, – пошутила Мэрилин. Штерн расхохотался, налил себе коньяка, выпил его залпом и закусил лимоном. Тут же налил себе еще и снова выпил. Псих и алкоголик, бог ты мой, ужаснулась журналистка.

– Ну что же, мы выяснили, что любит Леонид Штерн. А теперь мне хотелось бы спросить, что Леонид Штерн не любит?

– Журналистов, – заявил гроссмейстер без тени смущения.

– Спасибо за откровенность, – усмехнулась Мэрилин. – А что еще?

– А еще я терпеть не могу, когда не меняют пепельницы в ресторане, – пропел шахматист, встал и решительно направился к столику, за которым сидела жена банкира. Дальнейшие события убедили Коновалову окончательно и бесповоротно, что гроссмейстер – клинический псих, алкоголик и вообще полный придурок, потому что шахматист схватил пепельницу со столика Ольги Бутырской и высыпал ее содержимое на голову официанту.

Интервью получилось поистине эксклюзивным, и не просто интервью, а сенсационный репортаж, только почему-то Мэрилин никакой радости от этого не испытывала, ощущение было такое, будто ей в душу плюнули. Зато Чижиков, вырывая с парковки гостиницы «Славянская», светился от счастья, даже вопящий по радио Селиван не испортил ему настроения, потому что заснять подобные эпизоды из жизни знаменитостей в их программе еще не удавалось никому.

* * *

Тем временем Леонид Штерн рыдал в своем номере люкс и запивал слезы коньяком, который он прихватил из ресторана. План, придуманный Ольгой, удалось воплотить в жизнь, завтра гроссмейстера покажут по телевизору, а может быть, уже сегодня. Господи, стыд-то какой! Штерн сделал два внушительных глотка из бутылки. Облегчения алкоголь не принес, щеки пылали, дрожали руки, к горлу волнами подкатывала тошнота, внутри все горело от коньяка и чувства неловкости – так омерзительно Леонид Штерн не чувствовал себя никогда в жизни. Он вел себя как плебей, как скотина, как избалованный мажор! Гроссмейстер сделал еще несколько глотков и спиной рухнул на кровать. Потолок закружился, закачались люстра и стены. Леонид вскочил с постели, бросился в ванную комнату и упал на колени рядом с унитазом. Физически ему стало легче, но спустить в унитаз весь свой стыд Леонид так и не смог. Гроссмейстеру даже представить было страшно, что скажет его интеллигентная утонченная мать, если узнает о недавних событиях в ресторане. Несомненно, мама обвинит его в снобизме за то, что он позволил себе унижить другого человека, стоящего ниже на социальной лестнице. А отец? Отец ему просто голову отвернет, если услышит, что за дурь сын лепил, отвечая на вопросы интервью. Лучше бы вчера журналисты застукали его купающимся голым в фонтане! Отец бы это понял и принял (сам в молодости отличался буйным нравом, выпить любил и устраивал сумасшедшие вечеринки с купанием нагишом в бассейне). А мама... мама бы тактично промолчала и не стала бы акцентировать внимание на подобном казусе. Однако что сделано, то сделано, времени на обдумывание нового аморального поступка не было, опять же, ради брата старался, успокаивал себя Штерн; успокаивал, но никак не мог избавиться от тяжелого осадка в душе.

Нажав на кнопку слива, Леонид стянул пиджак и ботинки, включил душ и встал под прохладные струи в штанах и рубашке. Как будут развиваться дальнейшие события и оправданно ли он совершил подобный гнусный поступок, оставалось тайной.

Глава 6

НАПРАСНАЯ ЖЕРТВА

В номере Леонида Штерна телефон с утра не умолкал ни на минуту: приглашения на интервью, в популярные телепрограммы, реалити-шоу, на радио сыпались на голову несчастного гроссмейстера, как снег. В дверь периодически ломились журналисты из газет и журналов, возмущенные поклонники с гневными транспарантами караулили его у входа в отель. Родители пока не звонили, хотя бы это радовало. Ольга тоже не звонила, вероятно, с увлечением смотрела телевизор. А посмотреть было на что: по всем программам крутили интервью с пострадавшим официантом и очевидцами происшествия. С каждым новым репортажем о событиях в ресторане очевидцы увеличивались в геометрической прогрессии, и происшествие обрастало все новыми и новыми подробностями. Например, оказывается, кто-то видел, что он, Леонид Штерн, прежде чем надеть на голову служителя ресторанного сервиса пепельницу, ущипнул официантку, обслуживающую его столик, за зад! Другие уверяли, что гроссмейстер не просто ущипнул официантку, а предварительно ее обхамил. Официантка не подтверждала подобной клеветы, но и не опровергала! Нахалка. И это после того, что он оставил ей десять евро на чай! Руководство же ресторана, вероятно не зная, как реагировать и чью сторону принять, попросту ушло в тень и отмалчивалось. Персонал тем временем распустился и творил, что хотел. Прошло уже три часа, как он заказал ужин в номер, но еду так и не доставили. А кушать хотелось сильно, с утра он уничтожил все орешки, крекеры и шоколадки в мини-баре – есть больше было нечего, но спускаться в ресторан и выходить из отеля Штерн не решался. Все казалось таким ужасным, что в данную минуту гроссмейстеру хотелось самому себе посыпать вихрастую голову пеплом или провалиться сквозь землю. «Поразительно, как один неверный шаг может изменить жизнь, – печально думал Штерн. – Выходит, в жизни так же, как и в шахматах, один неверный ход – и теряешь преимущества, ухудшая собственные позиции. Похоже, гамбит² не принес преимущества, жертва оказалась напрасной. Вероятно, я выстроил неверную комбинацию, вслед за которой должен был последовать форпост³, но не получилось: приглашения в клуб так и не получил, зато нажил кучу неприятностей». От голода гроссмейстера потянуло на философские размышления. Долго, однако, шахматисту философствовать не пришлось: наконец-то доставили его заказ. Бифштекс оказался холодным, жестким, как подметка, пережаренным, пересоленным и, кажется, несвежим. Овощной салат выглядел странно: скукоженные помидоры, заветренные огурцы, плохо очищенный лук. Леонид раздраженно отбросил нож с вилок в сторону и набрал номер менеджера, решив провести контригру. У его утонченной мамы непременно случился бы удар, если бы она слышала милый монолог, который гроссмейстер пропел в трубку, филигранно вставляя в свою речь через каждое слово народный фольклор.

– Всего доброго, – сказал он на прощание и почувствовал внутреннее удовлетворение. Что странно – с народным фольклором гроссмейстер знаком был лишь отчасти и ранее никогда его не использовал, но мама всегда говорила ему, что доходчиво объяснить все людям можно только в том случае, если говоришь с ними на одном языке. Очевидно, с менеджером он говорил на одном языке, потому что через пять минут в номер доставили нормальный ужин и бутылку армянского коньяка в качестве комплимента. Вот она, сила могучего и великого русского языка, подумал шахматист, уплетая тающий во рту бифштекс со свежими овощами.

Следующий день Леонид Штерн тоже провел у себя в номере. Звонки и приглашения от журналистов постепенно сошли на нет, шумиха по поводу происшествия в отеле «Славянская»

² *Гамбит* – жертва в дебюте, начале шахматной партии, ради быстрее развития игры.

³ *Форпост* – выдвинутая во вражеский лагерь фигура.

по телевизору стихла, возмущенные поклонники разбрелись по домам, официантка опровергла наглую клевету, пострадавший официант, получив в качестве морального ущерба триста евро и шампунь от перхоти, успокоился. Жизнь, кажется, стала налаживаться. Мама зря о нем волновалась, зря...

* * *

Она постучалась к нему в номер ближе к полуночи. Жгучая брюнетка лет сорока пяти, невысокая, худощавая, лицо некрасивое, но по-своему привлекательное, элегантный черный костюм, нитка черного жемчуга на шее, стильное каре, дымчатые очки, яркая помада и маникюр, в руке – кожаный саквояж. Почему-то Леонид Штерн сразу понял, что эта женщина – хозяйка клуба «Флоризель».

– Прошу прощения за столь поздний визит, – извинилась дама, голос у нее оказался низким и приятным. – Меня зовут Маргарита, можно просто – Марго. Вот моя визитная карточка. – Она вытащила из кармана черный прямоугольник с золотыми буквами и протянула его Леониду.

– «Клуб «Флоризель», Маргарита Уланская – управляющий», – прочитал вслух Штерн. – Чем обязан? – удивленно спросилgrossмейстер, должен же он был разыграть полное неведение относительно ее визита. Правда, ничего особенно разыгрывать не пришлось, пусть он и ждал приглашения в клуб с нетерпением, но все же приход самой хозяйки стал дляgrossмейстера полной неожиданностью.

– Вы позволите мне пройти? – улыбнулась Маргарита. – Я займу у вас всего несколько минут.

– Пожалуйста, – пропустил ее в номер Штерн, стараясь держаться с ней нарочито холодно.

Она, чуть заметно прихрамывая на одну ногу, прошла мимо Леонида, застыла посреди гостиной, сняла очки и обернулась. Леонид непроизвольно вздрогнул: ее темные внимательные глаза просветилиgrossмейстера, как рентген. Эта женщина тоже была из разряда королев, с той лишь разницей, что играла она на другом поле.

– Не буду более держать вас в неведении, скажу прямо: я пришла, чтобы пригласить вас вступить в мой клуб.

– Боюсь, что вы обратились не по адресу. Ни в какой клуб вступать я не планирую.

– Вас смутило название? – улыбнулась Маргарита. – Не волнуйтесь, название не имеет никакого отношения к деятельности клуба и тем более – к роману Стивенсона.

– И чем же занимается ваш клуб? – лениво спросил Штерн.

– Этого я сказать вам не могу.

– То есть как?

– Вы узнаете обо всем, когда подпишете бумагу о неразглашении, пройдете тестирование и станете членом. Могу только пообещать, что вы не пожалеее о том, что присоединились к нам. – Маргарита вытащила из саквояжа скрученный в трубочку лист с сургучной печатью, затем пластиковую папку и положила их на стол. – Здесь приглашение, в нем указано время и место, куда вам следует приехать, чтобы пройти тестирование. Приглашение действительно только в течение суток. Да, можете считать, что устное собеседование вы прошли. Учитывая вашу занятость, оставляю вам тесты, которые необходимо заполнить. Захватите их завтра с собой. Спокойной ночи, Леонид Штерн. Приятно было познакомиться.

Когда за хозяйкой клуба «Флоризель» закрылась дверь, Леонид Штерн, издав боевой клич и станцевав партию из балета «Лебединое озеро», позвонил Ольге.

– Сработало! – с восторгом выдохнул он в трубку. – А теперь, Олечка, напрягите мозги. Мне оставили тесты, которые необходимо заполнить. Я буду вам диктовать вопросы, а вы

будете отвечать так, как, по-вашему мнению, ответил бы Демьян. Подстрахуемся, чтобы, не дай бог, нам не срезаться на последнем отборочном туре.

* * *

Тестирование прошло успешно, в скромной конторке на окраине города Маргарита придиричиво изучала его ответы на вопросы анкеты, осталась довольной и отпустила Штерна с миром.

На следующий день, в четверть двенадцатого ночи, к гостинице «Славянская» подъехал черный «Кадиллак», чтобы доставить гроссмейстера в загадочный клуб «Флоризель». Гроссмейстер почти не нервничал, казалось, все самое страшное осталось позади.

«Кадиллак» неторопливо миновал черту города и погнал по ночному шоссе. За окном долго мелькали населенные пункты, придорожные магазинчики, заправочные станции, железнодорожные переезды. Цивилизация кончилась, когда автомобиль свернул с шоссе на проселочную дорогу. Дорога запетляла по полю, мимо полуразрушенных сельских строений, и вдруг стало совсем темно: непроглядный лес плотной стеной, шуршание щебенки под колесами, еще поворот – автомобиль снова мягко заскользил по асфальту, проехал несколько метров и уперся в массивные кованые ворота. Водитель посигналил фарами, ворота открылись, и впереди показалась длинная аллея, освещенная лиловым светом фонарей. Впереди, в конце аллеи, окруженный вековыми соснами, возвышался особняк в готическом стиле, протыкая острым шпилем ночное звездное небо. Окна нижнего этажа особняка светились странным голубоватым свечением, и дом казался волшебным замком, в котором обитает нечистая сила.

Шофер остановил «Кадиллак», вышел из машины и открыл для гроссмейстера дверь.

– Приехали, сэр, – протянул он. – Пожалуйста в дом, сэр. Вас с нетерпением ждут, сэр.

Леонид Штерн пригладил волосы, стряхнул несуществующие пылинки с фрака и бодро, на негнущихся ногах, вышел из машины, отметив, что стрелки часов приближаются к полуночи.

К парадному входу вела мраморная лестница, сплошь усыпанная лепестками алых и бордовых роз. Пахло странно: тонкий изысканный аромат цветов смешивался с запахом неприятным, резким – так пахнет сероводород. Чем выше поднимался по ступенькам к двухстворчатым высоким дверям Штерн, тем отчетливее становился сероводородный запах. Леонида охватило беспокойство, ноги совсем перестали слушаться, несколько раз гроссмейстер споткнулся, чудом не растянувшись на лестнице, – двери приближались, запах усиливался, без сомнения, он сочился из особняка. Послышались смех и голоса людей, музыка: кто-то виртуозно играл на рояле. Музыка, смех и голоса вдруг стихли. Штерн потянулся к колокольчику, но позвонить не успел – парадные двери распахнулись.

В лицо ударил синий неоновый свет. Леонид на мгновение зажмурился, открыл глаза и потрясенно огляделся. Показалось, что он попал на другую планету. Вокруг все было голубым: пол, мебель, потолок, стены, гардины и даже рояль. В центре гостиной с высоким сводчатым потолком стоял на треноге огромный серебряный котел с каким-то вонючим варевом. Под котлом горел своеобразный примус, выпускающий из своего чрева голубовато-желтые языки пламени. Вокруг котла, низко склонив головы и сложив ладони у груди, сидели полукругом люди в голубых шелковых плащах, их лица скрывали капюшоны. Хозяйка в ультрамариновом вечернем платье сосредоточенно помешивала варево длинным черпаком.

– Здравствуйте, – осипшим голосом поздоровался Леонид.

– Здравствуйте, господин Штерн, – Маргарита отложила черпак и задумчиво посмотрела на гроссмейстера. – Довожу до вашего сведения, гроссмейстер, что вы не прошли тестирование. Плохо, очень плохо. Оказывается, вы совсем не тот человек, за кого хотели себя выдать. Вы солгали мне! А я ненавижу лгунишек. Придется наказать вас, господин Штерн.

– Вы ошибаетесь, – прошептал гроссмейстер.

– Я никогда не ошибаюсь. Вы жалкий обманщик, а лгуны должны гореть в аду. Этим мы и занимаемся в нашем клубе «Флоризель» – выполняем святую миссию, очищаем мир от грешников.

– В котел его, грешника! В котел! В котел! – загалдели люди в голубых плащах и поднялись, надвигаясь на Леонида.

Гроссмейстер попятился – двери позади него с грохотом захлопнулись, люди приближались. «Это какой-то дурной сон, дурной сон... Сейчас я проснусь», – Леонид ущипнул себя за руку и почувствовал боль. Все происходило на самом деле. Но этого не может быть! Не может! Перед глазами поплыли разноцветные круги, во рту стало сладко. Гроссмейстер уперся спиной в дверь, развернулся, в панике схватился за ручку и с силой потянул. Ручка оторвалась и осталась зажатой в кулаке. Растерянно глядя на оторванную ручку, гроссмейстер обернулся – толпа разъяренных миссионеров приближалась, рыча и скаля зубы. «Эндшпиль»⁴, – обреченно подумал Штерн и зажмурился.

– Пожалуй, довольно, – звонко рассмеялась Марго и хлопнула в ладоши.

Леонид открыл глаза. Потух мистический голубой свет, зажглось нормальное электрическое освещение – голубая комната стала светлой: бежевые стены и паркет, кремовые гардины и мебель. Миссионеры весело хохотали, снимая один за другим плащи и превращаясь из разъяренных чудовищ в светских людей в вечерних костюмах и фраках.

– Поздравляю, господин Штерн, с этого момента вы – полноправный член клуба! – торжественно провозгласила Маргарита с сияющей улыбкой. – Простите нас, это была всего лишь милая шутка. Мы всегда разыгрываем новичков. Это так забавно! Инга, попроси, чтобы побыстрее убрали котел и проветрили помещение. Я сейчас скончаюсь от этого амбре. – Стройная рыжеволосая девушка в длинном струящемся изумрудном платье скользнула по гроссмейстеру насмешливым взглядом и направилась выполнять поручение хозяйки. – Господа, позвольте пригласить вас в другой зал! – обратилась к присутствующим Маргарита. – Стол уже накрыт, пришла пора отобедать и выпить за нового члена нашего клуба. Как вы себя чувствуете, Леонид?

– Хорошо, – прошептал Штерн, глупо улыбнулся, сполз по стенке вниз и потерял сознание.

⁴ Эндшпиль – заключительный этап шахматной партии.

Глава 7

ТАЙНЫ КЛУБА «ФЛОРИЗЕЛЬ»

Леонид Штерн открыл глаза. Над ним склонялась рыжеволосая девушка в изумрудном платье, тыча ему в нос отвратительно пахнущую вату.

– Уберите, – простонал гроссмейстер и сел, осматриваясь. Он находился в небольшом будуаре с низким потолком, оформленном с большим вкусом и довольно дорого, но без пафоса и чванливого шика.

– Рада, что вы пришли в себя, господин Штерн. Меня зовут Инга. Я администратор клуба, – представилась девушка. Внешне она напоминала лисичку: высокие скулы, немного раскосые зеленые глаза с желтыми искорками, взгляд с хитринкой, тонкая нитка шоколадных бровей, лукавая улыбка. В каждом ее движении угадывалось кокетство, но не показное, а естественное. Кокетливой была и прическа: несколько закрученных в спиральки рыжих прядей, словно нечаянно выпавших из собранного на макушке пучка, игриво обрамляли лицо Инги. Леонид не назвал бы администратора клуба красавицей, к тому же Инга была совершенно не в его вкусе, но гроссмейстер не сомневался, что эта огненная девушка способна распалить и сжечь сердца многих мужчин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.